

Дом без выхода

Автор:

Олег Рой

Дом без выхода

Олег Юрьевич Рой

Рука, качающая колыбель, правит миром.

Виолетта, нанявшаяся няней в семью успешного бизнесмена Стаса, знала об этом. И хоть баюкать младенца бонне не пришлось – возраст мальчугана уже не тот, управление жизнью домочадцев перешло в ее руки. Все пошло не по укладу, заведенному хозяйкой. Отношения в семье накалились до предела.

Виновата ли в этом старуха, преднамеренно вклинившаяся в жизнь молодой четы и с подозрительной радостью взявшаяся латать пробоины в семейном корабле? Или повинны спрятанные в шкаф скелеты, о существовании которых уже забыли супруги?

Олег Рой

Дом без выхода

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства:

«Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя.

По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. Маринина

...Однажды открыв дверь незнакомцу и пустив его в дом, подумай...

Часть I

В последнее время уже один только вид Старухи выводил Виолетту из себя. Стоило той только показаться на глаза, как Виолетту буквально начинало трясти от ее присутствия.

– Бог мой, ну что ты вечно тут шляешься! Ни днем, ни ночью от тебя покоя нет! Не видишь, что ли, – я только пришла, устала, у меня неприятности! Дай хоть минутку отдохнуть!

Но Старуха, точно не слыша ее слов, невозмутимо прошествовала через всю комнату, уселась в кресло напротив и заерзала, устраиваясь поудобнее. Всем своим видом она точно давала понять, что обосновалась надолго и удаляться не собирается.

Виолетта сердито ткнула недокуренную сигарету в пепельницу. К этим пепельницам – громоздким, тяжелым, из цельного хрусталя – она всю жизнь питала какое-то необъяснимое пристрастие. В добрые старые времена, когда была такая возможность, накопила, наверное, с дюжину, если не больше,

окружила себя ими на работе – тогда она еще работала! – расставила по несколько штук в каждой комнате в квартире и на даче. И сколько бы Анна, дочь, ни упрекала ее в безвкусице и старомодности, сколько ни пыталась бы заменить этих, по ее выражению, «допотопных монстров» на что-то более изящное и современное, Виолетта упорно оставалась верна массивному резному хрусталу. Тяжелые прозрачные пепельницы были для нее не просто деталью обстановки, но словно чем-то священным, частью какого-то особенного таинственного ритуала, именуемого курением. Как и дорогое английское «Собрание». Еще недавно Виолетта курила только их и не признавала никаких других сигарет.

Едва войдя в квартиру, она повесила в прихожей плащ, с облегчением сбросила туфли на высоченных шпильках, прошла в одних колготках в комнату, опустилась в кресло и, скрестив длинные и все еще очень красивые ноги, с наслаждением закурила. На разноцветное «Собрание» денег уже давно не было, приходилось обходиться более дешевой отечественной «Явой». Но пепельницы, старые верные друзья, все еще оставались с ней.

– Ну и как дела? Как съездила на собеседование? – ехидно поинтересовалась Старуха.

Виолетта промолчала, только потянулась за новой сигаретой. Что толку отвечать, если собеседник заранее знает все, что ты скажешь. Да и не было у нее сейчас никакого желания обсуждать очередную, уже неизвестно какую по счету неудачу. Сегодня ей вновь отказали в приеме на работу – и, разумеется, все по той же причине. Девчонка, которая с ней беседовала, даже не потрудилась соблюсти приличия или придумать другой предлог. В других местах хоть из вежливости задавали какие-то вопросы, просили рассказать о себе и, пряча глаза, прощались традиционным: «Мы вам позвоним!» А эта только заглянула в паспорт, так сразу же и заявила: «Вы нам не подходите. У нас молодой коллектив, вы будете выбиваться из общей массы и чувствовать себя неуютно». Много она понимает, сопля малолетняя! Был бы на ее месте нормальный взрослый человек, Виолетта сумела бы завязать разговор, попыталась бы убедить, что возраст совсем не помеха, у нее, Виолетты, еще много сил, да и опыта работы с людьми ей не занимать. Но этим молодым да ранним, которые теперь взяли на себя право вершить чужие судьбы, объяснить что-либо бесполезно. По их мнению, уже сразу после сорока начинается старость. А старые женщины должны сидеть дома, нянчить внуков и вязать носки, а не устраиваться на работу.

Старуха злорадно улыбалась, заглядывая в лицо, словно читала по нему, как по книге. Чтобы не встречаться с ней глазами, Виолетта отвернулась и принялась осматривать знакомую до мелочей комнату. Самая большая и любимая, она служила одновременно и столовой, и гостиной. Когда-то все это было отремонтировано и обставлено по последней моде, с не слишком явным, но тщательно продуманным шиком. Теперь уже то там, то здесь виднелись первые признаки запустения, пока еще не явные, но уже заметные внимательному взгляду, точно желтые листья в августе, навевающие грустные и совсем не летние мысли о неизбежности дождей и холодов. Обои с неброским классическим рисунком выцвели на открытых местах, с потолка в углу осыпалась известка, на одном из кресел протерся гобелен, а громадная чешская люстра, бывшая когда-то пределом мечтаний каждого советского человека, растеряла несколько подвесок, да и вообще теперь, когда настал двадцать первый век и появилось с чем сравнить, смотрелась довольно нелепо... Виолетта вздохнула. Ей мучительно хотелось отремонтировать квартиру, придав ей стильный и современный вид, хотелось поехать по дорогим магазинам, купить новой мебели, навороченной техники и всех этих упоительных безделушек, которых в последнее время продается видимо-невидимо. Еще совсем недавно она могла не отказывать себе ни в чем, покупала все, что понравится. Но тогда вещей было до обидного мало, выбор был настолько ограничен... А теперь, когда от разнообразия разбегаются глаза, у нее нет денег даже на нормальные сигареты.

Проклятая Старуха никак не хотела оставить ее в покое. Она чему-то посмеивалась дребезжащим смехом, от чего голова ее мелко тряслась, а лицо, и так-то неприятное, становилось абсолютно безобразным.

– Что, несладко тебе приходится? – вкрадчиво поинтересовалась она. – То-то же, не все коту масленица, придет и великий пост!

– Да замолчи ты, и без тебя тошно!

Рука Виолетты дрогнула, горящий кусочек пепла упал с сигареты на юбку и чуть не прожег дыру в последнем приличном костюме – этого еще только не хватало! К счастью, она вовремя успела его стряхнуть.

– А раньше-то, раньше-то, помнишь? – продолжала измываться Старуха. – Машина, квартира, дача, наряды из «Березки» да из заграницы, фрукты дефицитные прямо с овощебазы. А теперь этот сыр «Виола», твой любимый, что

ты вечно по благу доставала, из-под прилавка, во всех магазинах лежит – бери не хочу. А ты не покупаешь, денег жалеешь. Вот, на колготки бережешь!

– И берегу. Что мне еще остается? – Виолетта чувствовала, что против своей воли опять втягивается в этот неприятный разговор, повторявшийся у них чуть не каждый день.

– Да уж теперь ничего! – не унималась старая ведьма. – То ли дело, пока Эдя был жив. Сидела ты у брата на шее и в ус не дула, а он, бедняжка, надрывался – и тебя кормил, и дочь твою, и своих две семьи. Вот и заездили вы мальчика, царствие ему небесное.

– Ну, знаешь! – Виолетта в сердцах затушила окурок. – В том, что эти стервы, жены его, брата до инфаркта довели, я уж никак не виновата. И потом, ни у кого я на шее не сидела! Сама работала всю жизнь. А то, что Эдя мне иногда денег немножко давал – так в этом ничего особенного не было! В конце концов, он мне всем обязан был! Без меня разве бы он смог чего-нибудь добиться? Опять же, я ему сестра родная, не чужой человек! И к тому же я одна дочь растила! Если хочешь знать, он просто обязан был мне помогать!

Виолетта никак не могла понять, почему она вновь и вновь должна оправдываться перед Старухой. Господи, ну за что же ей это наказание? Почему эта дрянь не хочет оставить ее в покое? А та продолжала нападать:

– За квартиру третий месяц не плачено, а ты опять сегодня новую пудру купила! Сколько можно прихорашиваться-то?

– Ну и купила! – огрызнулась Виолетта. – Должна же я выглядеть как человек!

– Ишь ты – выглядеть! – захохотала Старуха. – Неужели все еще надеешься мужика себе найти?

– А хоть бы и так!

– Ну-ну! Мечтай! Только не выйдет у тебя ничего!

– Ну, это мы еще посмотрим!

– А! Ну посмотри-посмотри! – зашипела Старуха. – На меня посмотри. Скоро, ох скоро такой же станешь... Старость-то не за горами...

Вот этого Виолетта вынести уже не могла. Она соскочила с кресла и заорала в полный голос так, что на чешской люстре испуганно зазвенели оставшиеся подвески: «Гадина! Да пошла ты знаешь куда!» И, не дожидаясь ответа, бросилась вон из столовой, промчалась по холлу, с шумом захлопнула за собой дверь спальни и, тяжело дыша, остановилась перед зеркалом.

Старинное, еще прабабушкино зеркало в резной раме Виолетта любила не меньше, а может быть, даже больше, чем хрустальные пепельницы. Другие – чужие – зеркала бывали к ней и жестоки, и несправедливы, и беспощадны. Точно коварный папарацци, притаившийся за углом, чтобы подстеречь звезду в самый неподходящий момент, чужое зеркало могло застать врасплох и показать ее не в лучшей форме, некрасивой или, страшно подумать, постаревшей. Но это зеркало никогда не обманывало. Даже усталая, невыспавшаяся или больная, Виолетта всегда была в нем необыкновенно, почти мистически хороша. Вот и сейчас зеркало услужливо отразило стройную женщину в элегантном сиреновом костюме из тонкой шерсти. Несмотря на побледневшее лицо и беспорядок в причёске, эта женщина была еще очень привлекательна и выглядела на сорок с небольшим, ну, от силы на сорок пять. Если бы не паспорт, никто из этих ведающих приемом на работу мальчишек и девчонок никогда бы и не подумал, что Виолетте предстоит на будущий год разменять седьмой десяток.

Долго стояла она перед зеркалом, поворачиваясь так и эдак, придирчиво рассматривая себя с разных сторон, и отошла, только когда совершенно успокоилась и вроде даже почувствовала какое-то умиротворение. Нет, все-таки напрасно эта ведьма пугает ее предстоящей старостью, напрасно сомневается в ее привлекательности для мужчин. Виолетта точно знает – ей еще рано ставить на себе крест!

* * *

В половине восьмого вечера автоматические ворота закрылись за последней машиной, увозившей остатки мусора и упаковки от мебели и техники. Это означало окончательное завершение строительства. Новый дом, в который было вложено столько сил и труда, ее гордость, лучшее, что она, Тина Кириллова, сделала в этой жизни, был наконец готов.

За последние пятнадцать лет, целиком и полностью отданных любимой профессии, она вместе с мужем проектировала и руководила строительством или переделкой нескольких десятков особняков, дачных коттеджей, квартир и офисных помещений. Но та работа, что была закончена сегодня, принципиально отличалась от всего сделанного раньше. Этот дом был задуман и создан для себя. Никаких вздорных клиентов с их абсурдными и противоречивыми требованиями. Не нужно было никому угождать и потакать дурацким капризам. Они сами заказали себе будущее жилье, сами его спроектировали, сами направляли и контролировали каждый шаг строительства. А внутреннюю отделку и интерьер Стас полностью отдал на откуп жене.

Конечно, не обошлось без конфликтов. Каждый из супругов был специалистом в своем деле, каждый был по-своему упрям и настойчиво доказывал свою правоту – дух профессионального соперничества не покидал Кирилловых никогда. Даже работая над чужими заказами, они постоянно спорили и ссорились, а уж когда речь зашла о собственном семейном гнезде... Кипели поистине шекспировские страсти, сыпались взаимные обвинения и оскорбления, Стас хлопал дверью, Тина запиралась в спальне... Какое счастье, что все это уже позади.

И дом получился на славу. Тут было все, о чем только можно было мечтать. На трех этажах продуманно расположились отдельные рабочие кабинеты для Тины и Стаса, спальня окнами в сад, просторные детские для сына Сашуры и дочки Кати, столовая, где легко могли разместиться человек двадцать гостей, кухня площадью в тридцать квадратных метров, две гостиные – западная и восточная, три ванные, зимний сад, тренажерный зал и сауна с маленьким бассейном.

Осторожно ступая по свежевывытым полам, Тина еще и еще раз обходила свое творение, наслаждаясь последней тишиной. Через несколько минут ее детище наполнится шумом, топотом, воплями детей, голосами взрослых, грохотом сдвигаемой мебели. Переезд был назначен на сегодня, и теперь вся семья и прислуга ждали только ее команды, чтобы перебраться в новое жилище. Но Тина не спешила отдать распоряжение. Момент вселения, появления в доме людей всегда был для нее мучительно неприятен.

Архитектор не только по профессии, но и по душевному призванию, Тина относилась к своей работе с тем благоговением, с каким, наверное, древние зодчие возводили храмы Зевса или Афины. В том, как появлялись на свет дома, она ощущала что-то мистическое. Вот из ничего, из пустоты, из воздуха

возникает идея, обдумывается, обкатывается, рассматривается с разных сторон, потом воплощается на бумаге, превращаясь в эскиз. Пока еще это не дом, но уже его душа, зародыш, крошечный эмбрион, который может вырасти и развиваться в живое существо. Затем следует долгая и кропотливая работа над проектом – данные, чертежи, расчеты... Потом строительство, постепенное движение от закладки фундамента и возведения стен к кровле и отделке. Идея воплощается на глазах, становится осязаемой, реальной, а душа дома, раньше витавшая где-то в эмпиреях, получает материальную оболочку. И пока дом создается, она живет собственной непонятной жизнью, ощутить которую дано лишь немногим посвященным. Но люди, которым не терпится вселиться в дом, и знать ничего не хотят о его душе. Они торопятся набить его инородными вещами, заполнить своей суетой, начинить чуждой ему энергетикой – и тем самым навсегда убить собственный мир дома, его живую душу. И каждый раз, когда Тина сдавала работу заказчику, она чувствовала себя Авраамом, приносящим своего сына в жертву.

Тина пересекла просторный холл второго этажа и вышла на лестничную площадку. Поправила чуть завернувшийся лист декоративной пальмы, присела на уютный низкий диванчик и с удовольствием погладила замшевую обивку. Сквозь высокие лестничные окна было хорошо виден «старый дом». Несмотря на погожий апрельский вечер, у него был грустный вид, он словно чувствовал, что жильцы его покидают. Собственно, старым этот маленький и уютный двухэтажный коттедж был назван совершенно несправедливо – ему не было и восьми лет от роду. Тогда Тине с мужем удалось относительно недорого купить здесь, на Рублево-Успенском шоссе, участок вместе с недостроенным домом, и они быстро, на скорую руку, поспешили его доделать – ютиться вчетвером с маленькой Катей и Тининой мамой в крошечной «двушке» на Преображенке им было уже абсолютно невыносимо. Но спустя несколько лет убили их соседа, по слухам – криминального авторитета. Тогда-то и родилась идея нового, этого дома. После долгих переговоров наследники мафиози уступили Кирилловым его участок. Супруги быстро снесли забор и все, что наворотил их сосед, и принялись за строительство дома своей мечты. И вот наконец-то ее воплощение закончено. Отныне они будут жить здесь, а бывший – «старый» коттедж станет флигелем для гостей и прислуги.

Хлопнула входная дверь, слышались энергичные шаги вверх по лестнице. Сидя на площадке, Тина наблюдала, как перед ней постепенно появляется, словно вырастая над ступеньками, фигура Стаса – модно стриженные темные волосы, смеющиеся синие глаза, знаменитая улыбка, перед которой не могла устоять ни одна женщина, широкие плечи, стройный, как у спортсмена, торс,

длинные ноги... Он был удивительно хорош собой, и у Тины до сих пор радостно замирало сердце от мысли, что этот мужчина – ее муж и принадлежит только ей, ей одной.

– А-а, вот ты где! – весело произнес он. – И что же ты тут делаешь, хотел бы я знать?

– Да вот, брожу, осматриваю все... – неопределенно отвечала Тина.

– Ну, ясно! «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои!» – рассмеялся Стас.

– Что-то не так? – настороженно поинтересовалась она.

– Да нет же, все великолепно, ведь я уже сто раз это тебе говорил! Просто Сашура там уже весь извелся. Понимаете ли, не терпится парню перебраться в свою новую комнату. Галина Ивановна уже не знает, как его утихомирить. Может, запустим их всех сюда?

– Сейчас! – Тина подошла к Стасу, положила руки ему на плечи и заглянула в лицо. Маленькая и худенькая, как подросток, она была головы на полторы ниже своего мужа. – Тебе правда нравится?

– Очень! – Стас обнял жену. – Вот и сбылась твоя мечта. Теперь бы вот в этот новый дом – да и настоящую хозяйку!

– На что это ты намекаешь? – поинтересовалась Тина, отодвигаясь.

– Как на что? Дом у нас замечательный, жить в таком – одно удовольствие. А если бы ты еще стала проводить тут больше времени, поддерживала бы все в порядке... Ведь Галине Ивановне будет трудно справляться тут одной!

– А она и не одна, – помрачнела Тина. И надо же было Стасу вновь затеять этот неприятный разговор именно сейчас, когда у нее на душе было так хорошо, так благостно... – Кухарку мы уже наняли. А три раза в неделю будут приходить убираться. Две женщины из Жуковки, я тебе говорила...

– Ну хорошо, а дети? – не сдавался Стас. – Сашуре на будущий год в школу, надо бы с ним позаниматься, подготовить. Сама знаешь, у него шило в одном месте, двух минут спокойно усидеть не может. Все буквы знает, а читать не заставишь... Да и Катюшке, думаешь, интересно все время с ним возиться? Ей четырнадцать лет, хочется с друзьями погулять, своими делами заняться – а тут присматривай день и ночь за младшим братом! Да и самой ей мать сейчас во как нужна! У нее как раз самый переходный возраст начинается – мальчишки-фигальчики, первая любовь, мечты, свидания... А тебе с ней и поговорить-то лишний раз некогда! Думаешь, чего она у нас такая колючая? Из вредности? Да ей просто внимания не хватает!

Тина пожала плечами:

– Детям надо нанять хорошую гувернантку, только и всего.

При одном только упоминании этого слова Стас тихо застонал:

– Легко сказать – нанять хорошую гувернантку! Где ее взять-то? Скоро уже два года, как ищем, а результат нулевой! Только попадется какая-нибудь приличная – ты ее тут же увольняешь!

– Я ее увольняю? Ты хочешь сказать, что это ты ее увольняешь!

– Лично я ни разу не уволил ни одной нормальной няни!

– Да-а? А Нину Петровну?

– Какую еще Нину Петровну?

– Ну, Нину Петровну! Высокая такая, с проседью. Она еще устроилась к нам сразу после Восьмого марта.

– А, эта швабра?! Точно, она у меня вылетела, обгоняя собственный визг. А что ты хочешь – Катька сама видела, как эта дрянь ударила Сашуру! По-твоему, я должен терпеть в доме человека, который бьет моих детей? А вот последнюю гувернантку, Поленьку, выгнала, если помнишь, именно ты. А она, кстати, была классная. И языками с ребятами занималась, и спортом...

– ...и глазки тебе классно строила! «Поленька»! Юбка едва задницу прикрывает, размалевана вечно, будто с панели!.. А ты и повелся!

Поняв, что разговор принимает нежелательный оборот, Стас попытался успокоить жену:

– Ну вот я и говорю – гувернантку найти трудно! Давай, пока мы ее ищем, ты немного побудешь дома. Отдохнешь, придешь в себя – все-таки у тебя столько сил ушло на это строительство...

– Стас. – Тина отошла к окну и смотрела вниз на начинающий зеленеть сад. – Я никак не могу понять, что у тебя за идея фикс? Я профессиональный архитектор, работаю не первый год, считаюсь хорошим специалистом и люблю свое дело. Почему тебе так хочется заживо похоронить меня дома?

– Солнышко, ну что ты такое говоришь? – возмутился Стас. – Ты посмотри на свою подругу, на Марьянку. Разве она похожа на заживо похороненную? Жизнерадостная, цветущая, ухоженная. И все успевает, и дома у них все блестит, и на обед вечно такая вкуснятина, что пальчики оближешь, – сама, между прочим, готовит, без всяких кухарок! И это несмотря на все то, что она пережила.

– А ты не замечаешь, какой пустышкой она стала с тех пор, как бросила работу? С ней же поговорить стало не о чем – в голове одни тряпки, рецепты салатов да витаминные маски! А теперь еще от нечего делать в мистику ударилась! Откровение на нее, понимаете ли, снизошло! Блаватская доморощенная! Экстрасенс-домохозяйка!

– Тинка, зря ты так о ней! Ну интересуется человек эзотерикой, так сейчас это модно, многие увлекаются. Да и не пустышка она совсем. Она и читает, и на выставки ходит, и в театры. Вот только позавчера они с Катюшкой где-то были – то ли в «Сатириконе», то ли в «Современнике»...

Тина не обернулась, только хмыкнула.

– И, кстати, о Катюшке, – продолжал Стас, – разве ты не видишь, как она к Марьяне тянется? Они как подружки! А все потому, что девочке в этом возрасте необходим кто-то взрослый, кто поговорит по душам, выслушает, совет даст.

Марьянка это понимает. А ты только кричишь на девчонку – вот она и грубит, и злится на тебя...

– Слушай, ну раз я такая плохая, что же ты на мне женился, а не на Марьяночке своей расчудесной? – выкрикнула в сердцах Тина. – У вас же, помнится, все было тип-топ?

В ее глазах появились слезы, и Стас не на шутку перепугался. Осторожно приблизившись к жене, он нежно обнял ее за плечи и прижал к своей широкой груди.

– Ну ладно тебе, не плачь. Не хотел тебя обидеть. Пойми, я же просто, как всякий нормальный мужик, хочу, чтобы жена была дома – разве это плохо?

Почувствовав, что выиграла этот раунд, Тина шмыгнула носом и уткнулась лицом в его пушистый свитер.

– Пойми, нормальный мужик, у тебя ненормальная жена! Я ведь не просто супруга шефа, я главный архитектор твоей же собственной фирмы! Как ты собираешься работать без меня? Тем более сейчас, когда мы получили бюджетный заказ на проект гимназии!

Стас промолчал. Конечно, он мог бы напомнить Тине, что она не единственный главный архитектор в проектной компании «СТК-project», есть там и другие специалисты – но он не стал этого говорить.

– И, кстати, о гимназии, – поинтересовалась Тина, искоса взглядывая на мужа, – как ты думаешь, Федоров, муж Марьяночки твоей любимой, не подозревает о том, как именно мы получили этот заказ? Он так и продолжает верить, что мы просто победили в конкурсе?

Стас нахмурился.

– Лешка не первый день в бизнесе, – проговорил он. – Сам должен был догадаться, что с этими бюрократами иначе нельзя. Не подмажешь – не поедешь. Только идиот в такой ситуации просто подает материалы на конкурс и ждет у моря погоды. Действовать надо, пути искать, а не сидеть на заднице!

- Ну ладно, - вздохнула Тина. - Темнеет уже. Пора идти за детьми.

Когда Стас и Тина появились на пороге «старого дома», домработница Галина Ивановна встретила их как посланников богов. Сашура, с утра ожидавший переезда и не находивший себе места от нетерпения, сделался совершенно неуправляемым.

- Ма, па, ну куда же вы подевались! - завопил он, бросаясь к родителям. - Я жду, жду!..

- Галина Ивановна, вы собрали Сашурины вещи? - Тина безуспешно пыталась хоть как-то уговорить скачущего вокруг них мальчишку.

- Да еще днем собрала! Он уже дважды все разбросать успел!

- Ну, идем, идем! Вернее, едем! - Стас подхватил сына и посадил его к себе на шею. - Галина Ивановна, скажите Витьку, пусть они с ребятами все перенесут. А где Катюшка?

- Где же ей быть? У себя сидит! - Галина Ивановна уже суежилась, вынося из детской пухлятые пакеты, доверху набитые разноцветными игрушками.

- Она хоть собрала свои вещи? - Тина предчувствовала нехорошее.

- Не могу сказать, - растерялась домработница. - Я ей несколько раз говорила, но она велела отстать. Вы же знаете, она у нас с характером...

- Катя! Катя! - закричала Тина, но ответа не дождалась. Ей ничего не оставалось, как самой направиться к дочери.

Тина вбежала в комнату и от души грохнула дверью, но Катя даже не повернулась на шум. Возможно, она и вправду ничего не слышала - в ушах у нее были наушники. «Врубать», как это принято у молодежи, магнитофон ей не разрешали - в «старом доме» оказалась неважная звукоизоляция, музыка мешала Сашуре и раздражала Тину. Поэтому Катя целый день не расставалась с плеером.

Всем своим видом девочка показывала, что суета переезда ее не касается. Она сидела на диване, скрестив обтянутые черными джинсами ноги. Глаза ее были закрыты, лицо занавешено длинными темными волосами, худенькое тело ритмично покачивалось в такт музыке.

– Катя! Катерина, я кому говорю! – Тина дернула провода наушников. Катя открыла карие глаза и вытаращилась на мать с таким изумлением, точно видела ее первый раз в жизни.

– Тина? Ты чего?

– К твоему сведению, мы переносим вещи в новый дом. Ты готова?

– Да? А что ж ты раньше ничего не сказала?

– Мы все уже неделю только об этом и говорим!

– Правда? А я ничего не слышала!

– Прекрати надо мной издеваться! И немедленно собери вещи!

– Не шуми так, Тина! всю музыку перекрикиваешь. Сейчас, вот только песню дослушаю...

– Хватит! – Тина протянула руку и отключила лежащий на диване плеер. – Соберись немедленно, или я не знаю, что с тобой сделаю!

– Да, ладно, ладно! Уже собираюсь. – Катя встала на колени и, повернувшись к стене, принялась осторожно отклеивать висящий над кроватью постер.

– Ты что, собираешься повесить эту дрянь в новом доме?

Лицо Кати потемнело, глаза стали совсем черными.

– Это не дрянь, мама, – тихо проговорила она таким тоном, каким самые терпеливые из учительниц младших классов восемнадцатый раз объясняют

ученикам, что «жи-ши» пишется с буквой «и». – Это Виктор Цой, легенда русского рока, величайший поэт и музыкант всех времен и народов.

– В новом доме твоя комната выдержана в едином стиле и оклеена обоями по тридцать долларов за рулон. И я не потерплю, чтобы на них ляпали скотчем какие-то журнальные страницы!

– Хорошо, тогда я останусь жить здесь. – Катя невозмутимо уселась на диван и вновь потянулась к плееру.

В такие минуты Тина была готова убить свою дочь. Ей-богу, в этот вечер они все словно сговорились против нее! Сначала Стас со своей навязчивой идеей превратить ее в домохозяйку, теперь Катя... Но если справляться со Стасом Тина умела, то Катерина последнее время абсолютно вышла из-под ее контроля. Между матерью и дочерью словно шла глухая война, конфликты разгорались из-за малейшей искры. Причем скандалила, шумела и кричала только Тина. Катя оставалась нарочито спокойной, дерзила как-то равнодушно, словно нехотя, и этим особенно выводила Тину из себя.

Вот и теперь, начавшись из-за пустяка, ссора грозила перейти в серьезный скандал и неизвестно чем бы закончилась, если бы из холла вдруг не донеслись оживленные голоса. Среди них особенно выделялся один – женственный, низкий и мелодичный.

– Марьяна! – взвизгнула, как щенок, Катя и, слетев с дивана, унеслась вон из комнаты.

«Федоровы, – подумала Тина, отправляясь вслед за дочерью. – Прискакали уже, не терпится им творение мое увидеть! Ну, ладно, смотрите, теперь можно. Уж я тебя, Марьяночка, удивлю так удивлю. Лопнешь от зависти!»

Неожиданный приезд гостей нарушил все планы. Галина Ивановна металась туда-сюда, не зная, что ей делать – то ли продолжать перетаскивать вещи в новый дом, то ли мчаться на кухню и спешно вносить коррективы в меню позднего ужина. Двухметровый охранник Витек, похожий на большую и добрую собаку, переминался с ноги на ногу, держа в руках коробку с детской железной дорогой, и растерянно переводил взгляд с хозяина на хозяйку и обратно, ожидая дальнейших указаний. Стас был раздосадован, но стремился это скрыть,

изображая радушного хозяина. Сашура так и вился под ногами у взрослых.

Алексей Федоров, высокий, уже заметно располневший блондин с намечающимися надо лбом залысинами, тоже чувствовал себя несколько неловко. И только Марьяна, статная, элегантно одетая брюнетка, обладавшая яркой «цыганской» внешностью, держалась как ни в чем не бывало.

– А вот и Тина! Здравствуй, дорогая! – проговорила она, наклоняясь, чтобы поцеловать подругу. – Извини, что без предупреждения, не удержались! Так любопытно взглянуть, что же это за чудо такое вы сотворили! Проезжали тут недалеко, дай, думаем, заглянем! Тем более что для Катюшки подарок есть. Была сегодня в центре, заскочила на Кузнецкий, к «Дяде Боре», и купила тебе одну штучку.

– Что? Что купила, Яночка? – У Кати так и горели глаза. От того вредного существа, что только что так по-хамски разговаривало с Тиной, не осталось и следа.

– Ну, потом посмотришь, потом, – одергивал дочку Стас. Но Катя не отставала, и Марьяна, улыбаясь, показала прозрачный целлофановый пакет с чем-то темным внутри. Катя торопливо развернула подарок и взвизгнула от восторга. Это была черная футболка с картинкой. Скрестив руки на груди, с нее мрачно глядел легенда русского рока, величайший поэт и музыкант всех времен и народов.

– У тебя ведь такой еще, кажется, нет, правда? – заботливо спрашивала Марьяна. – Размер, конечно, не твой, великовата будет, но ты ведь всегда носишь такое, свободное...

– Янка, я тебя обожаю! – Катя повисла у Марьяны на шее. – Витя, – подлетела она к охраннику, – посмотри, что мне Яна привезла!

– Отпад! – оценил тот, тепло поглядев на девочку. – Станислав Алексеевич, ну что с вещами-то делать? Тащить в тот дом или как?

– Или как! – решительно ответила Тина. – Переезд откладывается до завтра. Виктор, отнесите железную дорогу и можете быть свободны. Галина Ивановна, приготовьте, пожалуйста, легкую закуску, мы будем ужинать минут через сорок. А ты, Катерина, иди уложи брата. Ему уже давно пора спать.

– Ну, Тина! Почему опять я? Я так хочу побыть с гостями... – Катя прижалась к Марьяне, и та погладила девочку по длинным спутанным волосам.

– Потому что я так сказала! Стас! Объясни дочери, я не могу с ней разговаривать!

– Катюшка, ну пожалуйста! Ты же знаешь – у Сашуры опять нет няни, кроме тебя, уложить его некому. Я тебя очень прошу, выручи нас, пожалуйста.

– Ладно, пап. Только ради тебя! – серьезно ответила Катя. Она расцеловалась с Марьяной, клятвенно пообещавшей, что они завтра же созвонятся, попрощалась с Алексеем и, поймав за руку скачущего по ступенькам Сашуру, потащила его в детскую. – Идем, малой!

– Только, чур, ты поиграешь со мной в покемонов! – Сашура был современным ребенком и никогда не упускал своей выгоды.

– Ладно, поиграю... Куда я денусь...

– Ну что? Начнем экскурсию? – внутри Тина уже вся дрожала от нетерпения.

– Давай, веди, подруга, хвастайся! – Марьяна первая покинула холл, остальные потянулись за ней.

На крыльце Стас чуть замешкался, удержал приятеля рядом с собой.

– Слушай, Лешка... Ну, в общем... Это я про заказ тот бюджетный, на гимназию... Ты уж не обижайся на меня, так получилось...

– Да ладно, старик, – отвечал Алексей, хлопнув его по плечу. – Мы с тобой не пятиклассницы, чтобы друг на друга обижаться. Это бизнес. Кто смел, тот и съел, какие могут быть обиды. Идем скорее, видишь – девчонки ждут.

* * *

Покусывая кончик фломастера, Виолетта старательно изучала объявления в газете «Работа для вас». Собственно говоря, делала она это уже без особой надежды, можно сказать, по привычке. Давно уже было понятно, что шансы найти работу по объявлению были у нее ничтожно малы – слишком уж несовместимы были ее пожелания и требования работодателей. Идти в уборщицы, курьеры или торговать лечебной косметикой Виолетта считала ниже своего достоинства. Ей нужна была удобная, стабильная и непыльная работа, не требующая специальной подготовки и при этом обязательно высокооплачиваемая. Что-нибудь вроде помощника руководителя, офис-менеджера, специалиста по кадрам или, на худой конец, гувернантки в богатой семье. Но найти что-то подобное было очень непросто. Большинство руководителей брали себе в помощники и даже в офис-менеджеры исключительно молоденьких и непременно с внешностью фотомоделей. Меньшинство же, кого в резюме интересовали не фото и дата рождения, а опыт работы и профессиональные навыки, обязательно требовали знания компьютера и иностранных языков – а ни того, ни другого у Виолетты не было. Устроиться специалистом по кадрам без психологического образования оказалось невысказано. И даже для гувернантки предпочтителен был возраст до сорока, максимум сорока пяти. Словом, вариантов было немного.

Вот и на этот раз в целой газете оказалось лишь три более или менее подходящих объявления. Первый телефон был глухо занят, во втором привычно ответили: «Пришлите резюме, если ваша кандидатура нас заинтересует, мы сами перезвоним». И, наконец, по третьему – это было новое агентство с идиотским названием «Под крышей дома твоего», занимавшееся подбором персонала в российские и зарубежные семьи, – ей милостиво разрешили приехать и заполнить анкету.

Виолетта положила трубку радиотелефона на базу и принялась собираться, ощущая где-то в глубине души давно забытый подъем. Не то чтобы она много ждала от этой поездки. Но день сегодня был на удивление погожим, по-настоящему весенним, за окном пели птицы, и на паркете лежали теплые солнечные пятна, на которые так приятно было наступать босыми ногами. В такие минуты ей всегда хотелось верить, что жизнь еще не кончена и впереди еще будет много хорошего. Надо только суметь взять то, что предложит тебе судьба.

В дверях спальни возникла Старуха. Она уже несколько раз показывалась за спиной, пока Виолетта читала газету, но та делала вид, что не замечает ее. Вот

и сейчас Старуха явно хотела что-то сказать, но Виолетта отмахнулась: «Уйди, мне не до тебя, я спешу!» И Старуха скрылась, но вместо нее на пороге появилась Анна. Виолетта с неудовольствием поглядела на дочь.

По какой-то коварной шутке природы Анна получилась похожа на мать, но так, как бывает похож на яркий красочный рисунок его бледный оттиск, сделанный под копирку. Обе были блондинками, хорошего роста, стройными и худощавыми. Но если в Виолетте кипела энергия, она всегда невольно приковывала к себе внимание, то Анна была из тех людей, которые абсолютно не запоминаются даже после нескольких встреч. Лицо ее было до странности лишено индивидуальности, разве что широко расставленные глаза придавали ей некоторое сходство с черепахой – и то это можно было заметить, только очень тщательно приглядевшись. Как-то раз один из приятелей Виолетты, актер Никита Ордынский, желая польстить Анне, сказал, что подобная внешность идеальна для перевоплощения – на таком лице можно рисовать все, что угодно. И, кстати, Виолетта периодически этим занималась. Время от времени ей приходила в голову идея создать дочери новый имидж. Тогда они вместе отправлялись по магазинам и салонам красоты. Разодетая и накрашенная, Анна как по мановению волшебной палочки становилась если не красавицей, то, по крайней мере, интересной женщиной. Видимо, у нее действительно были незаурядные актерские способности – перевоплощалась она легко и очень убедительно могла сыграть любую роль, от разбитной девахи из ночного клуба до настоящей светской львицы. Но стоило ей выйти из образа, смыть макияж и снять наряд, она вновь превращалась в бледную моль.

– Ты говоришь по телефону? – поинтересовалась Анна.

– Уже нет, а что?

– Мне показалось, что ты с кем-то разговаривала.

– Ни с кем я не разговаривала. Я собираюсь на собеседование.

– Правда? Хоть бы на этот раз ты куда-нибудь устроилась. Ты, кстати, не забыла, что нам пора платить за Интернет?

Замкнутая и не слишком контактная в обычной жизни, Анна могла проводить в Интернете ночи напролет. Что она там делала, с кем общалась, Виолетта не

вникала. Наоборот, сначала даже приветствовала это ее увлечение – может, познакомится таким образом с кем-то, устроит свою жизнь. Но время шло, а виртуальное общение как-то не спешило выплескиваться в реальное. А Анна только бледнела и становилась еще более нервной и раздраженной.

– У меня нет денег на твой Интернет! – жестко сказала Виолетта. – Если тебе это так нужно, иди сама ищи работу.

– Ну ма-а! – заныла дочь. – Ты же знаешь, у меня после развода депрессия. И врач сказал. Мне требуется длительный реабилитационный период.

– Ишь ты, депрессия, период... Можно подумать, мне ничего такого не требуется! – Виолетта действительно рассердилась, но, как ни странно, настроение от этого не ухудшилось. Наоборот, она почувствовала себя еще более уверенной и энергичной. – Все, я пошла, пока. Закрой на нижний замок, мне неохота доставать ключи! – Виолетта привычно заглянула в любимое зеркало и осталась вполне довольна собой. На миг рядом с ее отражением возникло лицо Старухи. Впервые за долгий срок на нем не было ни усмешки, ни издевки, наоборот, Старуха дружески кивнула и подмигнула ей. Виолетта совсем развеселилась. Это был добрый знак.

* * *

Еще каких-нибудь три года назад Виолетте и в голову не могло прийти, что когда-нибудь она будет нуждаться, отказывать себе в самом необходимом и искать работу по объявлениям. Вплоть до той кошмарной ноябрьской ночи, когда разорвавший сладкий предутренний сон телефонный звонок возвестил о смерти брата, она действительно, как говорят в народе, горя не знала.

Везение и благополучие сопровождали ее с самого появления на свет. Родилась Виолетта в сорок четвертом, под грохот салюта в честь снятия блокады Ленинграда, но отцом ее был не демобилизованный из-за контузии солдат, а довольно крупный чиновник, руководивший продовольственным снабжением одного из центральных районов Москвы. К тому времени ему уже минуло сорок два, его супруга приближалась к тридцатилетию, и потому родители нарадоваться не могли долгожданному первенцу. Дочку решено было назвать Виолеттой, как героиню «Травиаты» Верди – мать, подобно большинству женщин тех лет, была страстной поклонницей оперы. Как и положено жене

большого начальника, она не работала и с охотой посвящала ребенку все свободное время, остававшееся от посещений портнихи, маникюрши, рынков и вновь открывавшихся магазинов. Но и когда матери не было дома, девочка постоянно находилась под присмотром домработницы, бабушки и незамужней тетки. Отец же бывал дома редко, но в дочке души не чаял. Заласканная и избалованная, Леточка ни в чем не знала отказа. В голодное и нищее послевоенное время она не только всегда ела досыта, но и была разодета как куколка в американские и трофейные немецкие платица.

Виолетте было пять с половиной, когда в семье неожиданно появился еще один ребенок. Привыкнув быть в центре внимания, она сначала очень растерялась и никак не могла взять в толк, с чего это вдруг взрослые, раньше исполнявшие все ее желания и капризы, в один миг почти что забыли о ней и занялись этим постоянно орущим маленьким существом, которое почему-то называется ее братом. Но так как она была умной девочкой, то вскоре поняла, что роль старшей сестры имеет не только свои тяготы, но и свои преимущества. Крошечный Эдя неотлучно, как хвостик, следовал за ней, смешно и трогательно пытался копировать все, что она делала или говорила. Сестра была для него образцом и непререкаемым авторитетом, и Леточка без особого труда научилась им управлять. Используя то силу, то хитрость, то ласку, она могла заставить брата сделать все, что ей было нужно, и наслаждалась своей властью.

В семь лет Виолетта в белых шелковых бантах и кружевном фартуке, на зависть неимущим одноклассницам, впервые села за парту. Молоденькая учительница сразу же выделила из общей массы высокую бойкую девочку, уже умеющую читать и считать до ста. Аккуратная и старательная Летта училась только на одни пятерки.

А через пять лет она сама привела за ручку в школу маленького Эдю. Брат и сестра были неразлучны. К великому удовольствию родителей, Леточка с энтузиазмом приняла на себя роль воспитательницы, проверяла у Эди уроки, заступалась за него во дворе и строго следила за тем, тепло ли он одет и вовремя ли покушал.

С первого класса и до самого выпускного вечера Виолетта была вечным общественным лидером – сначала октябрятским, потом пионерским, затем комсомольским. Ее истинным призванием было весьма популярное в те годы так называемое «шефство над отстающими». Возможность подчинять себе других, заставляя их делать то, что она считала нужным, и становиться такими, какими

она хотела их видеть, доставляла Виолетте ни с чем не сравнимое наслаждение.

Окончив школу, разумеется, с золотой медалью, она ни на минуту не задумалась, в какой институт поступать – конечно, это должен быть педагогический! Но так как склонности ни к какому конкретному предмету она не имела, то остановилась на управленческой специальности и выбрала профессию методиста. Отец был готов всячески содействовать своей любимице, но его помощь даже не понадобилась – Летта легко и уверенно сдала вступительные экзамены, набрала на целый балл выше необходимого проходного и без проблем была зачислена на первый курс Педагогического института имени Ленина.

Веселая студенческая жизнь ошеломила Виолетту, захлестнула ее с головой, словно морская волна. Только сейчас она с удивлением открыла, сколько новых, доселе неизведанных удовольствий может подарить ей жизнь, и твердо решила не упустить ни одного из них. Тем более что, имея такого отца, они с Эдей могли себе позволить намного больше, чем многие другие их сверстники. Настала пора выйти из образа «пай-девочки». Долой косички и банты! Их место заняла прическа «бабетта» – высокий пучок, как у французской артистки Брижит Бардо, а школьную форму сменило ультрамодное синтетическое мини-платье, привезенное из Парижа папиным приятелем из МИДа. Виолетта выучилась курить, пользоваться косметикой и танцевать джаз. Но все это ничуть не мешало ей оставаться на хорошем счету – все сессии, от первой до последней, Летта сдавала только на «отлично». На первом же комсомольском собрании ее избрали комсоргом курса, на третьем – секретарем комсомольской организации факультета, а к пятому она уже стала кандидатом в члены КПСС. Слово «распределение», вызывавшее ужас у выпускников тех лет, ее совсем не пугало. Виолетта была уверена, что любящий папа не позволит, как это называлось, «заслать за Можай» ненаглядную дочурку. Так и произошло. Пара телефонных звонков – и обладательница красного диплома устроена методистом в РОНО Краснопресненского района.

Энергичная и деятельная, Виолетта принялась настойчиво продвигаться вверх по служебной лестнице. Она с охотой общалась с людьми, завязывала многочисленные знакомства и быстро поняла, как они могут быть полезны. Круг ее общения всегда был очень широк, число друзей, приятелей и поклонников было настолько велико, что ей и самой было трудно его определить. Виолетта всегда любила жизненные радости – вкусную еду, модную одежду, красивые вещи и хорошие книги. В то время все это можно было достать, только

используя связи, и она стала их активно заводить. Следующей ступенью после РОНО стало Управление народного образования, а затем – министерство, где Виолетта и закрепилась окончательно, меняя только должности и подразделения.

Занимаясь карьерой и личной жизнью, Виолетта ни на минуту не забывала о брате. Эдя всегда оставался для нее самым любимым педагогическим экспериментом. Она не только выбрала для него подходящий институт – Академию внешней торговли, но и сама съездила к двум-трем высокопоставленным знакомым отца, чтобы те помогли с поступлением. На младших курсах у Эди были трудности с высшей математикой, и сестра лично улаживала проблемы несданных экзаменов и зачетов с помощью денег и женского обаяния. А когда Эдик закончил институт, Виолетта, используя уже собственные, а не отцовские связи, выхлопотала ему тепленькое местечко во Внешторге.

Работа в Министерстве образования обеспечивала ей безбедное существование. Устроить своего ребенка в хороший детский сад или престижную школу с языковым уклоном хотелось всем – и директорам магазинов, и заведующим овощными базами, и начальникам складов... Знакомые и знакомые знакомых обращались к Виолетте и, разумеется, были благодарны ей за помощь. Жизнью тогда управлял знаменитый принцип «ты мне – я тебе», и Виолетта понимала это лучше, чем кто бы то ни было. Используя нужные связи, она могла «достать» почти все, что только возможно, ездила на васильковой «шестерке», каждый год отдыхала по две недели в Крыму и в Прибалтике, ходила на все премьеры в модные театры, питалась деликатесами и одевала себя и дочь только в «Березке». Воспитанием Анны она занималась так же, как когда-то воспитанием брата, – строго контролируя, подчиняя себе и формируя личность по придуманному ею сценарию.

Перестройке Виолетта сначала только обрадовалась. Перед ней открывались разные пленительные перспективы – взять хотя бы те же поездки за границу, да не в какую-нибудь там Болгарию, где она уже несколько раз побывала, а в Италию, Францию, США, о которых она давно мечтала. А увидев, как быстро и легко богатеют в новой обстановке самые смелые и оборотистые, Виолетта поняла, что пришла пора ловить за хвост птицу удачи.

Начать собственный бизнес она не решилась, да и необходимости такой не было – для этой цели отлично подходил брат Эдуард, профессиональный экономист и

специалист по торговле. Во Внешторге он занимался поставками писчей бумаги из Финляндии и теперь, благо представилась такая возможность, мог использовать уже наработанные каналы. Благодаря активной помощи Виолетты он относительно легко сумел преодолеть все бюрократические препоны. Сразу после летнего путча 1991 года и окончательной победы демократии в стране он основал собственное совместное предприятие по оптовой и розничной торговле. Бизнес развивался успешно, фирма набирала обороты, и уже через два года Эдик стал очень состоятельным человеком. Виолетте же оставалось только намекнуть брату, чтобы он не забывал и о ее интересах. С тех пор Эдя постоянно ссужал ее деньгами и воспринимал это совершенно как должное. Но и сама Виолетта даром времени не теряла. Узнав из верных источников о грядущей инфляции, она поторопилась вложить свои сбережения в картины, антиквариат и ювелирные изделия. Сделано это было удивительно вовремя – вскоре деньги стали стремительно обесцениваться, а расходы, наоборот, постоянно расти. На пустовавших несколько лет прилавках постепенно появлялись новые, доселе невиданные зарубежные товары. Жаждавшая жизненных удовольствий Виолетта с восторгом принялась скупать все, что могла, – от французских йогуртов «Данон» и эксклюзивной одежды в магазинах на Тверской до удачно подвернувшегося почти нового «Фольксвагена».

К тому же у нее подрастала дочь, которую тоже нужно было кормить, одевать и давать ей образование. По отношению к Анне Виолетта всегда словно бы чувствовала себя обязанной, испытывала к ней какую-то странную, почти болезненную любовь, смешанную с жалостью, будто ощущала себя виноватой перед ней за собственную привлекательность. Действительно, на фоне яркой матери бледная Анна выглядела особенно невзрачной. Привыкнув во всем подчиняться энергичной Виолетте, дочь полностью доверила ей свою жизнь. Все решения, начиная от фасона платья и заканчивая выбором института, принимала Виолетта. Даже обоих мужей для дочери она нашла сама, причем подобрала их из числа своих бывших любовников. Первый раз Анну выдали замуж в девятнадцать лет за молодого и весьма перспективного предпринимателя, который обещал через некоторое время превратиться в миллиардера. Однако супруги не прожили и полугода – стоило Виолетте лишь на минуту ослабить бдительность, как бизнесмен бросил ее дочь ради какой-то модельки.

Словом, девяностые годы оказались для Виолетты столь насыщенными, что времени на работу у нее почти не оставалось. К тому времени она занимала уже довольно высокую должность и считала, что дела в министерстве идут сами собой. Машина была давно налажена, все ее подчиненные и заместители

прилежно трудились каждый на своем участке, и вмешательства Виолетты практически не требовалось. Но времена изменились, а занятая собственными заботами Виолетта не сумела сориентироваться вовремя. Ее ловкости хватало на то, чтобы подстраиваться под колебания осуществляемой «сверху» политики, но меж тем заговор против нее созрел «снизу», в недрах министерства. И как только Виолетте исполнилось пятьдесят пять, ее тут же выпихнули на пенсию.

Сначала Виолетта не слишком огорчилась. Наоборот, у нее появилось много свободного времени, которое было как раз кстати – нужно было делать евроремонт в квартире, покупать новый автомобиль (Виолетте давно нравились японские модели), потом второй раз выдавать дочь замуж. О деньгах Виолетта не беспокоилась – дела Эдуарда шли неплохо, и даже неожиданно обрушившийся на страну дефолт не слишком нарушил их ход. Уйдя с работы, Виолетта решила, что настала ее пора. Наконец-то она сможет отдохнуть и пожить в свое удовольствие! Она с энтузиазмом погрузилась в тот образ жизни, который, по ее представлениям, ведут пенсионеры на Западе, – занялась собой, ездила в туристические поездки и даже завела очередную роман. Два первых пенсионных года, пришедшиеся на конец века, стали чуть ли не самыми счастливыми в ее жизни.

Гром грянул среди ясного неба. Вскоре после своего пятидесятилетия Эдуард внезапно скончался от обширного инфаркта. За несколько лет до смерти он оставил семью и двух почти взрослых детей и ушел к своей секретарше – и теперь две жены, нынешняя и бывшая, устроили такую грызню из-за наследства, что даже выдавшей виды Виолетте сделалось не по себе. Эдя упомянул сестру в завещании, но, чтобы получить свою долю, ей необходимо было судиться со вдовами. Виолетта приняла бой, наняла по рекомендациям знакомых адвокатов, но все равно проиграла дело. Завещание было оспорено. То ли ее адвокаты были недостаточно хороши, то ли бывшие жены Эдика оказались более ловкими, чем его сестра, но так или иначе решение суда было не в ее пользу.

Для Виолетты настали трудные времена. Сбережения, большая часть которых была потрачена на адвокатов, таяли как дым. Картины, антиквариат и даже новую машину – «японочку», как любовно называла ее Виолетта, – пришлось продать. Остались только старенький «Фольксваген», которым теперь пользовались лишь в исключительных случаях, любимая дача да хорошая, еще от родителей, квартира на Профсоюзной. Нужно было срочно что-то предпринимать, и Виолетта решила, что пора поднять старые связи, за последние годы несколько запущенные.

Сначала она думала открыть свое дело и обратилась к наиболее состоятельным из своих знакомых, чтобы занять денег и собрать необходимый начальный капитал. Но тут ее постигло глубокое разочарование – ни один человек не согласился одолжить достаточной суммы. Варианты отказов были разные: кто-то мялся и жаловался на собственные трудности, кто-то обещал перезвонить и бесследно исчезал, кто-то решительно заявлял, что принципиально не одалживает денег друзьям, кто-то, пряча глаза, вручал пару сотен долларов («Извини, но это все, чем я тебе сейчас могу помочь!»). Находились даже такие, кто без зазрения совести предлагал ей деньги под грабительские проценты – и это после стольких лет знакомства и взаимовыручки, после всего, что она для них сделала!

Виолетта была просто ошеломлена. У нее в голове не укладывалось, как это люди, с которыми она так давно была знакома, смогли за каких-то несколько лет так кардинально измениться. Что же это за время такое настало, что же оно делает с людьми? Взять в банке ссуду под залог имущества Виолетта побоялась, и с идеей собственного дела пришлось распрощаться. Но на что же жить, на что кормить дочь? В довершение всех бед второй муж Анны, талантливый ученый, также не оправдал надежд. Уже через месяц совместной жизни молодая женщина обнаружила, что ее супруг не просто выпивает, а пьет, можно сказать, по-черному. В ход пошло все – уговоры, скандалы, угрозы, лечение, кодирование, даже ворожба, но ничего не помогло. Наутро после празднования третьей годовщины свадьбы Анна собрала свои многочисленные чемоданы и вернулась в родительский дом. Она выросла в достатке, привыкла к тому, что все ее прихоти исполняются, и искренне не понимала, почему вдруг должно быть по-другому. Анна объявила, что у нее нервный срыв после развода и ей нужен минимум год спокойной жизни, чтобы восстановить здоровье и прийти в себя.

Конечно, можно было бы продать квартиру, подыскав взамен что-то более дешевое – меньшей площади и в непрестижном районе. Вырученные деньги дали бы возможность нормально существовать несколько лет. Но на такой шаг у Виолетты просто не поднималась рука. Недвижимость дорожала с каждым днем, и она абсолютно точно знала, что обязательно проиграет на этой сделке. Да и расставание с отчим домом было для Виолетты неприемлемо. Квартира родителей была для нее последней пристанью, единственным оставшимся из прошлой жизни воспоминанием о былом благополучии. Она не решилась даже на промежуточный вариант – временно сдать свою трехкомнатную, а самой перебраться куда-нибудь на окраину. Одна только мысль о том, что здесь поселятся чужие люди, будут ходить по ее комнатам и пользоваться ее вещами, была для нее невыносимой.

Оставался один выход – искать работу, не извозом же ей, женщине, заниматься! Но даже с этим возникли проблемы. Выяснилось, что по большому счету Виолетта не умела ничего делать. У нее не было никакой «ходовой» специальности, она не знала компьютера, а английским языком владела ровно в тех пределах, чтобы объясняться с обслуживающим персоналом турецкого или египетского отеля. Старые связи не помогли и здесь. Выяснилось, что большинство ее бывших приятелей уже давно вышли на заслуженный отдых, а их детям-бизнесменам не было никакого дела до какой-то тетки, шапочно знакомой с их родителями. Они неохотно разговаривали с ней, обещали «подумать» и чаще всего тут же забывали о ее существовании. А те немногочисленные предложения, которые от них поступали, никак не могли устроить Виолетту. Например, один из таких «сыночков» даже предложил ей готовить обеды для своей фирмы, в ответ на что Виолетта оскорбленно швырнула трубку. С огромным трудом ей удалось устроиться офис-менеджером в редакцию новорожденного иллюстрированного журнала, но она не проработала и трех месяцев – финансирование прекратилось, журнал так и не вышел, а сотрудников редакции распустили.

Виолетта пачками скупала газеты о вакансиях, обзванивала объявления, ездила на собеседования и почти везде получала отказы – работодателей не устраивал ее возраст, отсутствие необходимого опыта и профессиональных навыков. За три года Виолетта успела побывать и рекламным агентом, и менеджером по поиску клиентов, и дистрибьютором бытовой химии. Но ни одна из этих работ не продлилась долго, ни одна не принесла ожидаемых денег и чувства уверенности. Однажды Виолетта дошла до того, что даже позвонила тому «сыночку» – мол, согласна и на готовку, но тот со злорадством в голосе отказал ей. Вот уже полгода им привозят обеды из ресторана.

И все же, несмотря на все эти заботы о хлебе насущном, Виолетта не унывала. Она верила, что все еще вернется – спокойствие, уверенность, благополучие... Она еще встретит свой идеал, мужчину своей мечты, который и подарит ей все, чего она заслуживает. Надо только его найти.

* * *

Старенькая «Ауди» трусила лениво и неохотно, где-то в глубине металлического нутра раздавался подозрительный звук. «Подвеска стучит, – с досадой подумал Алексей. – Этого только не хватало! На автосервис нет ни времени, ни денег. Но

делать нечего, придется выбраться на той неделе. Ремень подтянуть, колодки тормозные проверить... Да и покрышки хорошо бы поменять. Вот, на левом переднем резина уже совсем лысая...»

Задумавшись, Алексей вел машину чисто автоматически, и только многолетнее чутье водителя спасло его, заставив резко повернуть руль, – стильный серебристый «Шевроле», игнорируя все правила, обогнал его и промчался в каких-то нескольких сантиметрах от его старушки, прижав их к обочине.

«Вот черт, чтоб тебе пусто было! – выругался Леша и добавил свою традиционную для таких случаев поговорку: – Расступись, дерьмо, навоз прет!»

Марьяна испуганно ахнула от рывка и стукнулась плечом о дверь, но промолчала. Она обладала уникальным и неоценимым для жены автомобилиста достоинством: никогда не критиковала сидящего за рулем мужа и не приставала к нему с указаниями, как следует управлять машиной. И это при том, что сама уже давно и неплохо водила.

Алексей искоса посмотрел на Марьяну и невольно отметил, что все еще любит ее, ее крупноватым классическим носом, резко очерченным, благородным, как выражалась ее бабушка-актриса, профилем и мягкой волной блестящих черных волос. Сейчас темные ресницы были опущены, а в уголке пухлых губ, покрытых уже слегка стершейся помадой, отчетливо виднелась резкая складка. Это говорило о том, что жена расстроена, и Алексею даже не требовалось спрашивать, чем именно, – и так все было понятно.

После этого спонтанного визита к Кирилловым Алексей и сам был не свой. Чужало его сердце, что не стоило к ним заезжать, по крайней мере сегодня. Но Янка так его упрашивала, ей так хотелось побыстрее увидеть творение подруги! Все время, пока шло строительство, Тина принципиально не разрешала никому даже близко подходить к возводящемуся дому – «увидите, когда все будет готово!». И сегодня, узнав, что долгожданный миг наконец-то настал, Марьяна, конечно, не смогла усидеть на месте. Да и Леша не выдержал, поддался на ее уговоры, за что и корил себя всю обратную дорогу. Эх, лучше бы они не видели всей этой роскоши, всего этого великолепия! Тяжело, ох как тяжело будет теперь возвращаться к себе, в их любимое, но весьма скромное по нынешним меркам жилье в Кривоарбатском переулке, в старом, уже давно требующем капремонта доме. Давно прошло то время, когда доставшаяся им в наследство от Марьяниной бабушки четырехкомнатная квартира с высоченными потолками

казалась хоромами. Теперь по сравнению с кирилловскими малахитовыми ваннами, зимним садом с орхидеями и бассейном между сауной и тренажерным залом их обитель выглядела просто убого.

Ну почему, почему судьба распоряжается так, что одни имеют все, а другие почти ничего? Он, Алексей, работает никак не меньше и не хуже Стаса. Но тех пятнадцати, редко двадцати тысяч в год, которые достаются ему кровью и потом, хватает лишь на то, чтобы не бедствовать, кое-как обеспечивая семью. Если бы не деньги, доставшиеся Марьяне в наследство от матери (им удалось очень удачно продать ее квартиру и положить деньги в заграничный банк под хорошие проценты), было бы вообще непонятно, на что жить. Год от года конкуренция все сильнее, а заказов все меньше. Приходится соглашаться даже на всякую мелочовку вроде переделки квартир и строительства скромных дачных домиков.

А теперь еще этот проклятый бюджетный заказ на гимназию! Он, Алексей, так надеялся его получить! Подобные заказы были значительным везением и не менее значительной редкостью – обычно государство предпочитает работать с одними и теми же постоянными партнерами. Но тут вдруг решили устроить конкурс среди проектировщиков, и Федорову, узнавшему об этом от одного из приятелей, работавшего в мэрии, пришлось здорово постараться, чтобы попасть в число претендентов. Все шло отлично, сделанные фирмой Алексея эскизы понравились, казалось, еще немного – и заказ у них в кармане! И тут вдруг неожиданно выяснилось, что работать над проектом гимназии будут не они, а компания «СТК-project», то есть Стас и Тина. А ведь изначально их даже не было в числе участников конкурса...

– Знаешь, а ведь и с этим заказом на гимназию тоже может быть не все чисто! – точно вторя его мыслям, произнесла вдруг Марьяна.

Алексей даже не удивился. Прожив столько лет вместе, он уже привык, что они с женой часто думают об одном и том же. Он только спросил:

– В каком смысле?

– Да в таком. Твой вариант был лучшим, это и козе понятно. По всему получалось, что победить в конкурсе должен был ты. И вдруг ни с того ни с сего заказ достается Кирилловым.

– И, как ты думаешь, они могли?..

– Да элементарно. Дали кому-нибудь на лапу, например.

– Янка, ну ты же знаешь, что без этого вообще нельзя. Разве не помнишь, я, чтобы попасть на этот конкурс...

– Помню. Но это совсем другое дело. А Кирилловы, кстати, вообще в конкурсе не участвовали. И знать о нем ничего не знали, пока ты не проговорился тогда, в сауне!

– Знаешь, я не думаю, что Стас может...

– Может. Уж Тина точно может. Да и Стас может. Разве не помнишь, как тогда, в девяносто седьмом...

Помолчали. Одно упоминание о том периоде было для них обоих слишком болезненным.

А потом Марьяна произнесла вслух то, что про себя думали они оба:

– Пора назвать вещи своими именами. Все то, что Кирилловы сейчас имеют, они просто-таки украли у нас. Самым натуральным образом.

Леша ничего не ответил, только резко дал по газам. А что тут было говорить? В глубине души он был целиком и полностью согласен с женой, только не решался сказать об этом. А Марьяна решилась.

* * *

Собственно говоря, началась эта история не в девяносто седьмом году, а намного раньше, где-то в середине восьмидесятых, когда все четверо наших героев учились на одном курсе Архитектурного института. Уже тогда Станислав Кириллов был личностью очень заметной и невольно привлекал к себе внимание. В толпе шумных, длинноволосых, богемного вида собратьев по учебе он выделялся безукоризненной короткой стрижкой и строгостью классических

костюмов, элегантный покррой которых не вызывал сомнений, что пошиты они отнюдь не фабрикой «Большевичка». И так красивый от природы, Стас уделял много внимания своей внешности, занимался гимнастикой и плаванием, прекрасно танцевал и лучше всех разбирался во всем, что было модно, – музыке, кино, литературе. Стас отлично знал себе цену и держался соответственно. Даже на самых трудных экзаменах он оставался спокойным и уверенным в себе, что всегда подкупало преподавателей. Во многом Стасу помогало то, что он происходил из архитектурской династии. И его дед, и его отец были довольно известными градостроителями, и это давало молодому человеку большое преимущество перед многими другими студентами – о будущей профессии он знал не понаслышке и не из учебников. Свой непререкаемый авторитет он завоевал в первые же дни занятий, когда Марьяна Азарова, одна из самых красивых девочек в группе, увидела на нижней стороне сиденья перевернутого стула странную надпись «УШАЦЪ». Она громко спросила, что это, интересно, значит, но никто из вчерашних абитуриентов ей не ответил. И тогда Стас Кириллов, ни капли не смущаясь выступления перед целой аудиторией иронично настроенных собратьев, поведал честной компании, что слово «УШАЦЪ» – это фирменный знак и символ всех студентов и выпускников МАРХИ. Есть легенда, что в пятидесятые годы здесь действительно учился человек с такой смешной фамилией. Однажды он подписал свою табуретку, чтобы не заняли, вышел покурить, а когда вернулся, на всех до единой табуретках красовалась надпись «УШАЦЪ». С тех пор этим словом подписывают не только все предметы в институте, но и все творения питомцев их альма-матер и даже все памятники архитектуры мира, до которых они добрались. На ехидный вопрос кого-то из новоиспеченных однокашников, откуда он это знает, Стас спокойно ответил, что его отец окончил МАРХИ. Впрочем, к чести Стаса надо отметить, что родительской платформой он всегда пользовался минимально, стремясь добиваться всех своих успехов самостоятельно. У него действительно были незаурядные способности, учился он на «отлично» и лидером на своем курсе считался вполне заслуженно. Соперничать с ним мог только один человек – Тина Вдовенко.

В отличие от Стаса, к которому признание пришло легко и сразу, как шутил его лучший друг Леша Федоров, «по определению», Тине самой пришлось прокладывать себе дорогу, и это давалось ей очень нелегко. Ее мать, чертежница, одна, без мужа, растила двух дочерей, и девочка с детства усвоила для себя, что сможет чего-то добиться в жизни только одним путем – ценой упорного и напряженного труда. И Тина, буквально бредившая архитектурой, въедливо грызла гранит науки, добиваясь каждой очередной пятерки с настойчивостью солдата, пядь за пядью отбивающего у врага родную землю.

С первой же сессии между студентом Кирилловым и студенткой Вдовенко установилось негласное соперничество, постоянная борьба за первое место, продолжавшаяся все пять лет обучения. Каждый из них стремился обойти другого, сделать лучшую работу, интереснее выступить на семинаре, ярче ответить на экзамене и заслужить большей похвалы от авторитетного преподавателя. Сообразительному интеллектуалу Стасу это, безусловно, давалось легче. Тине, которая не принадлежала к категории счастливиц, схватывающих все на лету, чаще всего приходилось, как это называлось на студенческом языке, «брать не головой, а задницей».

Усидчивость и трудолюбие помогали Тине не только в занятиях. Материальное положение ее семьи было трудным, и отличница Вдовенко одной из первых на курсе научилась зарабатывать, в том числе и тем, что чертила курсовые работы своим же нерадивым сокурсникам. У погруженной в учебу и другие заботы девушки почти не оставалось времени на развлечения, она всегда держалась несколько особняком и избегала веселых студенческих «тусовок», чего никак нельзя было сказать о Стасе. Он и его закадычный друг, всеобщий любимец Леша Федоров, всегда были в центре событий.

Что касается Алексея, то он был далеко не самым прилежным студентом. Случались у него и тройки, и двойки по самым занудным предметам вроде организации строительства или освещенности помещений. Однажды даже дело чуть было не дошло до отчисления, но обошлось – у декана просто не поднялась рука его выгнать. Милейший Леша со своей очаровательной, чуть смущенной улыбкой обладал каким-то удивительным даром располагать к себе людей. Впрочем, море обаяния и внешняя трогательная застенчивость отлично сочетались в Алексее с цепким умом и практической хваткой. С первых курсов он потихоньку приторговывал, как тогда это называлось, фарцевал разным модным дефицитом – джинсами, джемперами, дисками. У него всегда водились деньги, и благодаря этому сын простого офицера из подмосковного военного городка мог позволить себе держаться на одном уровне с детьми творческой и научной элиты.

Надо ли говорить, что и Леша, и Стас пользовались огромным успехом у барышень. Но если Алексей относился к флирту весело и непринужденно, легко сходилась с новыми подругами и так же легко расходился с ними, не оставляя обиженных («никто никому ничего не обещал»), то отношения Стаса с девушками носили куда более обстоятельный характер. Сразу после празднования «экватора» – вечеринки, посвященной окончанию пятой сессии,

означавшей, что половина учебы уже позади, – у него начался долгий и серьезный роман с первой красавицей потока Марьяной Азаровой, внучкой известной актрисы.

Марьяна была единственной приятельницей Тины Вдовенко, и эта дружба удивляла весь курс – девушки казались полной противоположностью друг другу, и никто не мог понять, что у них может быть общего. Несходство начиналось уже с внешности. Марьяна – яркая, высокая, статная, с роскошной черной косой, тотчас привлекающая к себе взгляды, Тина – крошечного роста, щупленькая, неброская, выглядящая намного моложе своих лет. «Травести» – говорила про нее Марьянина бабушка, бывшая звезда Малого театра. Кстати, именно она придумала называть Валентину Тиной. «Валя звучит как-то по-плебейски, ты не находишь? Это имя для медсестры или для продавщицы, а не для будущего архитектора!» Тина носила старенькие джинсы и свободные свитера с растянутыми рукавами, Марьяна же всегда была одета продуманно и элегантно, но не потому, что у нее было много дорогих вещей, а благодаря безупречному вкусу, умело подобранным мелочам и свойственному только истинным женщинам таланту, как выражалась ее бабушка, «правильно себя подать». С детства вынужденная помогать матери по дому, Тина ненавидела все связанное с бытом, в то время как Марьяна всегда стремилась окружить себя уютом и комфортом, с удовольствием хлопотала по хозяйству, отлично умела и готовить, и шить, и вязать. Стеснительная, замкнутая, неуверенная в себе, Тина сторонилась людей, Марьяна же никогда не скрывала своих эмоций, реагировала на все живо и бурно, была очень общительной, имела кучу друзей и подруг, обожала развлечения, вечеринки и шумные сборища. Но при всем при этом она отнюдь не была пустышкой, бесшабашной веселенькой дурочкой, каких так много встречается среди ее ровесниц. Наоборот, Марьяна обладала острым живым умом, много читала, была очень сообразительна и заслуженно носила звание «светлой головы».

С точки зрения большинства сокурсников, Кириллов и Азарова были просто-таки идеальной парой. Их отношения продолжались более двух лет, и никто даже и не сомневался в том, что в результате они закончатся свадьбой. Никто, кроме Тины Вдовенко. С первых же учебных дней она тайно была влюблена в Стаса, но, не рассчитывая на взаимность, пять лет так ловко скрывала свои чувства, что ни сокурсники, ни сам Стас, ни даже лучшая подруга ни о чем не догадывались. Два года Марьяна делилась с Тиной всеми подробностями своей любовной истории, даже не подозревая о том, какую муку доставляют ее откровения слушательнице. Но Тина была не из тех людей, кто мирится с судьбой и покорно плывет по течению. Она молчала и ждала своего звездного часа.

И дождалась его во время последнего, дипломного семестра. У лучших студентов курса Кириллова и Вдовенко оказался один научный руководитель, и по секрету ото всех Тина умолила его дать им задание делать общую экспозицию. Преподаватель, знавший об их вечном соперничестве, счел эту идею интересной и пошел ей навстречу. Как это всегда было принято в архитектурном, на несколько месяцев подготовки дипломов аудитории превратились в шумные мастерские с чайниками, гитарами, ситцевыми занавесками и даже с раскладушками – работа, то и дело перемежавшаяся гулянкой, велась и днем и ночью. Составив рядом на огромных козлах обтянутые бумагой подрамники для чертежей, Стас и Тина трудились бок о бок, постоянно что-то обсуждали, спорили, ссорились. Марьяна и Алексей готовили свои проекты в других помещениях – каждой группе полагалась своя аудитория-мастерская.

Время подготовки дипломов – самое напряженное и самое веселое в жизни студента-архитектора – пролетело незаметно. Услышанная перед самой защитой новость ошеломила всех – оказывается, за время работы над совместной экспозицией Кириллов и Вдовенко настолько сдружились, что даже решили пожениться. Ну, чудеса! А как же Азарова? Но Марьяна, казалось, совсем не была расстроена подобным поворотом событий. Она оставалась такой же веселой и жизнерадостной, как и прежде, так же была окружена поклонниками и вскоре объявила друзьям, что тоже собирается замуж – за Лешку Федорова. После защиты дипломов, блестяще прошедшей у Тины и Стаса, вполне достойно у Марьяны и на удивление прилично у Алексея, обе пары подали заявление в ЗАГС и почти одновременно сыграли свадьбы, причем все четверо были друг у друга свидетелями.

Началась новая жизнь. Стас и Тина распределились в разные проектные мастерские, Федоровы, наоборот, захотели работать вместе. Бабушка-актриса приютила молодую семью в своей квартире, где была прописана и Марьяна. Поскольку окончание института как раз совпало по времени с началом перестройки, то предприимчивый Алексей почувствовал себя в атмосфере кооперативов как рыба в воде. Он вскоре ушел с работы и затевал то одно, то другое, торговал мягкими игрушками, завел несколько палаток и даже открыл собственную хлебопекарню. А Марьяна под чутким бабкиным руководством вила семейное гнездо, тратила заработанные мужем деньги и, казалось, была абсолютно счастлива.

Кирилловым пришлось труднее. Родители Стаса, не слишком довольные ранним браком сына, решили, однако же, сделать молодым царский подарок и разменяли свою хорошую трехкомнатную квартиру на «Октябрьском поле». Теоретически считалось, что Стасу и Тине необычайно повезло – они стали обладателями собственного жилья, да еще двухкомнатного. На деле же крохотная смежная «двушка» оказалась малопригодна для жизни – панельная «хрущоба», зимой холодно, летом жарко, последний этаж, потолок то и дело протекает, от метро далеко... Практически сразу после свадьбы Тина, абсолютно несведущая в вопросах взаимоотношения полов, забеременела. Ребенка ей совсем не хотелось – ведь она только-только вышла на работу, только-только занялась любимым делом, о котором так давно мечтала, и тут на тебе! Но Стас, имевший традиционные представления о том, какой должна быть семья (муж – добытчик, жена – хозяйка, хранительница очага и мать семейства), настаивал, обе матери в один голос твердили о вреде первого аборта... Последнее слово осталось за Марьяниной бабушкой, и это слово было «грех». Так нежеланная Катя появилась на свет.

Первые несколько лет были очень тяжелы для Тины. Она плохо переносила беременность, роды были трудными, девочка родилась нервной, болезненной, кричала ночи напролет. Чего стоили одни только прогулки и ежедневное таскание коляски вниз-вверх на пятый этаж без лифта (подъезд не запирался, и оставлять коляску внизу они боялись)! Это было мучительно – изо дня в день одно и то же, пеленки, бутылочки, игрушки, уборка, готовка... И ни одной секунды наедине с собой! К тому же начались трудные для всей страны времена – 1990-е годы. Деньги стремительно обесценивались, и так невысокие зарплаты молодых специалистов за полгода превратились в ничто. Прилавки опустели, чтобы купить самое необходимое, приходилось выстаивать многочасовую очередь. Кормились в основном «продуктовыми заказами» с работы Стаса да Катькиным «пайком», выдаваемым раз в месяц в угловом магазине по карточке из детской поликлиники – курица, бутылка постного масла, пакет крупы и две банки консервов. Конечно, родители и с той, и с другой стороны как-то помогали, но толку от этого было мало. Тина изнывала от прозябания дома, без любимого дела, но обе бабушки были еще молоды, работали, и сидеть с Катькой оказалось некому. Тина нервничала, Стас постоянно не высыпался, сделался раздраженным, начал куда-то исчезать по вечерам. Молодые супруги часто ссорились, разговаривали на повышенных тонах, срывая друг на друге накопившееся раздражение. Несколько раз дело даже доходило до настоящих скандалов с криками и руганью, чего Тина сама от себя не ожидала. Словом, кошмар.

А вот у Федоровых, наоборот, изначально все складывалось неплохо. Детей они пока не хотели. Марьяна мастерила украшения из кожи и продавала их на «Вернисаже» в Измайлове, Леша все так же экспериментировал с бизнесом, хватался за все подряд, и многое ему удавалось. Именно он и получил тогда, в 1992 году, тот самый первый заказ, с которого все и началось.

Как-то зимним вечером Марьяна пришла к подруге за советом. Один из многочисленных приятелей Алексея собирался открыть ресторан и заказал Федоровым проект. Но на тот момент Леша с Марьяной занимались «челночным» бизнесом – ездили в соседние страны за всевозможными товарами и выгодно продавали их здесь. Буквально завтра они должны были отплыть на катамаране в Турцию, билеты, разумеется, уже на руках, а проект нужен срочно, и терять заказ совсем не хочется. Марьяна успела лишь набросать эскиз. Может, Стас и Тина взялись бы за эту работу?

Тина несказанно обрадовалась этому предложению. Забыв обо всех домашних делах, она с увлечением принялась изучать привезенные подругой бумаги. Идея, безусловно, была хороша – что говорить, вкус у Марьяны всегда был отменный. Но теперь требовался долгий и кропотливый труд по разработке этого замысла, тщательные расчеты и чертежи. Еле-еле уговорив мать взять две недели отпуска и посидеть с внучкой, Тина приступила к делу. Вскоре подключился и Стас – в одиночку выполнить заказ за столь короткое время было бы невозможно. Вернувшиеся Федоровы тоже успели принять участие в работе – и совместными усилиями проект был готов в срок. Заказчик остался доволен и не только честно расплатился с исполнителями, что само по себе было праздником по тем временам, но и порекомендовал свежее испеченную команду проектировщиков своему знакомому. Новый заказ оказался просто-таки подарком судьбы. Друг хозяина ресторана открывал собственный банк и собирался перестроить под него особняк на Остоженке. Этот проект уже целиком делали все вместе – чета Кирилловых плюс чета Федоровых, каждый занимался чем мог. Тина и Марьяна продумывали и разрабатывали эскизы, Алексей нанял по подряду строительную фирму и добывал по своим каналам отделочные материалы, Стас отвечал за авторский надзор над реконструкцией здания. Заработанная сумма, даже поделенная пополам на две семьи, показалась молодым людям баснословной.

С тех пор все четверо целенаправленно занялись поиском заказов на проекты, но получалось это только у одного Алексея. Задача была не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Спрос на услуги проектировщиков в начале

девятидесятых действительно резко вырос – страна переходила к рынку, люди стремительно богатели, фирмы и совместные предприятия появлялись как грибы после дождя, им требовались достойные помещения для работы, а их владельцы спешили обустроить собственное жилье в соответствии с новыми возможностями. Словом, недостатка в заказчиках не было, проблема заключалась в другом. Далеко не все из них были честными и порядочными людьми, и сплошь и рядом случалось, что специалистов в тех или иных областях, работавших, подобно нашим героям, без всяких гарантий, просто-напросто «кидали», не заплатив за их труд ни копейки. Чтобы хоть как-то защититься от возможного обмана, старались работать со знакомыми, проверенными клиентами, за которых кто-то мог поручиться. И здесь многочисленные дружеские связи Алексея пришлись как нельзя кстати. Команде везло. За три с лишним года, отделявших первый заказ от образования фирмы, их не обманул ни один заказчик.

Друзья сами не успели заметить, как превратились из нищих интеллигентов в состоятельных предпринимателей. Кирилловы активно занялись решением накопившихся бытовых проблем. Первым делом Тина, уговорившая мать выйти на пенсию и переехать жить к ним, чтобы полностью взять на себя заботу о Катьке и хозяйстве, с радостью отстранилась от домашних дел и вся погрузилась в работу. Кирилловы приобрели машину, затем вторую – Тина также научилась водить. Следующим шагом стала покупка уже знакомого читателю участка на Рублевке. А у Федоровых были тогда заботы совершенно иного толка: Алексей был одержим идеей основания собственного дела. И после долгих колебаний, обсуждений, подсчетов и споров он и Стас решили, что пора «выходить из тени». В марте 1994 года они зарегистрировали проектную фирму, которую решено было назвать «Барма», по имени одного из зодчих, возводивших храм Василия Блаженного. И хотя большую часть начального капитала внес Федоров, Алексей и Стас сделались равноправными совладельцами компании – какие могут быть счеты между друзьями, авось, свои люди, как-нибудь сочтемся.

Фирма постепенно набирала обороты. Кому-то из заказчиков требовалось превратить арендованный у завода склад в «цивильный» офис или перестроить квартиру на западный манер, кому-то нужны были проекты целых особняков, коттеджей, офисных зданий. У компании «Барма» появилось собственное помещение, оргтехника, расширился штат. Теперь в ней работали не только соучредители и их жены, но и другие архитекторы-проектировщики, а также вспомогательный персонал – чертежники, компьютерщики, секретари.

Словом, до девяносто седьмого года все шло если не отлично, то, по крайней мере, неплохо. Все несчастья начались с проекта зала игровых автоматов в Замоскворечье. Заказчик был родственником бывшего одноклассника Стаса и, естественно, обратился к нему. Осторожный Алексей навел о нем справки и всерьез засомневался, стоит ли иметь с ним дело – отзывы совсем не были хвалебными, но Стас, гордый тем, что привел «жирного» клиента, принялся настаивать. На тот момент они с Тиной как раз вели переговоры с наследниками убиенного мафиози о покупке соседнего участка и очень нуждались в деньгах. По мнению Стаса, заказчику вполне можно было доверять, и Алексей в конце концов согласился с ним – но когда работа была закончена, выяснилось, что прав-то оказался как раз Федоров: клиент и не думал расплачиваться.

Полбеда, что от этого обмана пострадали сами владельцы компании «Барма». И даже то, что их сотрудники остались без зарплаты, тоже было не страшно. Проблема заключалась в организации, которая вела по подряду строительные работы. Это была солидная фирма, Алексей с большим трудом наладил с ней партнерские отношения, и теперь не расплатиться с ними было никак нельзя. Между Алексеем, Стасом и Тиной состоялся тогда неприятный разговор. Федоров предложил счесть ошибку общей и разделить непредвиденные расходы пополам, но Кирилловы наотрез отказались. Тина заявила, что раз их самих «кинули», то и они никому ничего не должны. А если Алексею неудобно за Стаса перед своими партнерами, то лучшим выходом для них будет разделить компанию на две. Тогда каждый будет отвечать за себя.

Когда страсти улеглись, все пришли к выводу, что разделение – это не такая уж плохая идея. В конце концов, продолжать совместную работу можно будет невзирая ни на какие юридические лица. А в случае чего действительно каждый принимает решение самостоятельно, никто никого не подводит и никто ни от кого не зависит. Сказано – сделано. Затратив положенное время, вновь пройдя все инстанции и проделав необходимые процедуры, Стас стал владельцем проектной компании «СТК-project». А Алексей полностью расплатился с партнерами из своего кармана.

Марьяна во всем этом не участвовала, на тот момент она уже не работала в «Барме». Ей и раньше не слишком-то нравилось проектирование, рутину ее никогда не привлекала, из всего цикла архитектурных работ она любила лишь эскизы да отделку и дизайн, то есть ту часть процесса, которую Тина, считавшая себя истинным архитектором, презрительно называла «шторки-краски». Достигнув тридцатилетия, Марьяна окончательно охладела к работе и мечтала

совсем о другом – о ребенке. После смерти бабушки она стала полноправной хозяйкой в квартире и ко времени истории с игровым клубом как раз приступала к реализации своих планов. Без всякого сожаления она уволилась из «Бармы», сделала ремонт, оборудовав самую большую и светлую комнату под детскую, и даже начала бродить по магазинам, потихоньку скупая наиболее понравившиеся игрушки и детские вещички. Когда-то бабушка говорила ей, что это плохая примета, но Марьяна просто не могла устоять. Все эти штучки были такими прелестными, а в ее душе, как в душе большинства постсоветских людей, до сих пор жило опасение: а вдруг потом не будет?

Сразу после официального разделения компаний Тина случайно забеременела второй раз. В отличие от Марьяны она и в мыслях не имела снова становиться матерью, но муж и подруга, каждый со своей стороны, принялись настойчиво уговаривать ее родить второго ребенка. Воспитанный в патриархальных традициях, Стас очень хотел, чтобы и его жена оставила работу и занялась семьей и детьми. Конечно, Тина была хорошим архитектором, но добивалась своих успехов не благодаря «искре божьей», а за счет упорства и кропотливого труда и в действительности отнюдь не была так уж незаменима, как ей самой хотелось о себе думать. За время совместной работы Стас здорово подустал от ее упрямства и с куда большим удовольствием работал вместе с другими, менее амбициозными сотрудниками. При этом как жена Тина вполне его устраивала – он был сильно привязан к своей семье, готов был из кожи вон вылезти для ее блага, любил дочь и, как всякий нормальный мужчина, мечтал о сыне.

Что касается Марьяны, то она пришла в восторг от мысли, что они с подругой вместе родят детишек. Хорошо бы у нее была девочка, а у Кирилловых – мальчик... Дети будут вместе расти, а когда вырастут, кто знает, может, даже и поженятся. Но шли месяцы, Тина с нарастающим неудовольствием носила ребенка, а у Марьяны долгожданная беременность все никак не наступала. Точно в срок Сашура появился на свет, но мечтам Стаса не суждено было сбыться. Уже через две недели после родов Тина появилась в офисе, оттуда поехала на объект... А Марьяна, не выдержав, легла на обследование в больницу, и там ей вынесли страшный приговор – у нее оказалась инфантильная матка. Выяснилось, что эта цветущая, внешне абсолютно здоровая женщина никогда не сможет иметь детей.

Жизнь Федоровых превратилась в кошмар. Сначала Марьяна бегала по врачам, пытаясь найти хоть одного специалиста, который или опровергнет ужасный диагноз, или найдет способ справиться с ее заболеванием. Она посетила все

столичные медицинские центры, показала всем светилам и даже съездила на консультации за границу, в Германию и в Швейцарию. Но все оказалось напрасно. Никакая операция ей не помогла, исправлять подобный дефект медики еще не умели.

Убедившись, что все усилия бесполезны, Марьяна впала в жесточайшую депрессию, постоянно плакала и почти совсем перестала спать. И однажды, когда Алексея не было дома, написала прощальное письмо на двух страницах, собрала все имеющиеся в доме снотворные и успокоительные таблетки и проглотила их, запив стаканом воды. Спасло ее только чудо – Леша в тот день забыл дома важные документы и приехал буквально через несколько минут после того, как жена отключилась. Марьяну удалось спасти, и муж поместил ее в недавно открывшееся платное отделение клиники неврозов.

Лечение жены влетело Алексею в копеечку. К тому же, хлопоча о ее здоровье, он совсем запустил работу, передавая своих клиентов в «СТК-project» Стасу и Тине. А когда после трехмесячного курса реабилитации Марьяна вернулась домой и вроде бы даже пошла на поправку, в стране случился дефолт.

На свое счастье, ни Федоровы, ни Кирилловы не хранили семейных сбережений в потерпевших крах отечественных банках. Но во всем остальном они, конечно, столкнулись с теми же трудностями, что и другие их соотечественники. Хуже всего было то, что на длительный период обе проектные компании остались без работы. Алексею, которому стало просто нечем платить подчиненным, пришлось распустить свою фирму. Кирилловы же сохранили штат и только понизили зарплату сотрудников. Несколько месяцев ни у «Бармы», ни у «СТК-project» заказов не было. Но Стасу повезло – уже зимой к нему вернулся клиент, из числа тех, кого Алексей, занятый семейными делами, передал Кирилловым. «Барма» же получила первый заказ на проект только спустя целый год. И если для Федоровых дефолт обернулся чуть ли не катастрофой, то для Кирилловых оказался лишь досадной заминкой в делах и поводом для временного перерыва в строительстве нового дома.

Понадобилось несколько лет, чтобы жизнь Федоровых постепенно более или менее наладилась. Душевная рана Марьяны со временем затянулась, она, казалось, смирилась с неизбежностью своей доли, повеселела и вела активный образ жизни, хотя к работе так и не вернулась. Алексей продолжал заниматься проектным бизнесом и, хотя дела его шли не слишком успешно, как-то ухитрялся сводить концы с концами. Кирилловы же процветали. После того как

страна опомнилась от потрясения, фирма «СТК-project» резко пошла в гору, значительно расширилась за счет новых подразделений и через несколько лет стала одной из крупнейших и самых известных столичных проектно-строительных компаний. В результате на данный момент Стас и Тина имели круглую сумму на счету в зарубежном банке, миллионные обороты и усадьбу на Рублевке с трехэтажным домом и двухэтажным флигелем для гостей и прислуги, а Алексей и Марьяна ездили на уже изношенных машинах и продолжали жить в старой квартире. Чисто внешне их дружба сохранилась – Федоровы и Кирилловы ходили друг к другу в гости, отмечали вместе праздники и изредка выбирались куда-нибудь в отпуск. К тому же Марьяна как-то резко и тесно сблизилась с подросшей Катей, постоянно брала девочку с собой – то в театр, то на выставку, то в тренажерный зал, а то по магазинам. Что же касается истинных чувств, царивших в душе каждого из них по отношению к остальным, то здесь, разумеется, все было совсем не так просто.

* * *

Чтобы отыскать агентство, Виолетте пришлось трижды обогнуть нужный дом и несколько раз ткнуть во все двери, пока наконец охранник в соседнем обменном пункте не смилостивился и не подсказал ей, куда идти. Неприметный вход прятался прямо в стене арки – немудрено, что Виолетта несколько раз прошла во двор и обратно, даже не заметив его. Поднявшись по грязной щербатой лестнице на второй этаж, она оказалась перед облезлой дверью, обрамленной таким количеством разнообразных звонков и табличек, что в памяти невольно воскресали легендарные коммуналки. С трудом отыскав табличку с надписью мелким шрифтом «Под крышей дома твоего», Виолетта нажала кнопку, потом, не услышав никакого звука, нажала еще раз. Снова тишина. Она подождала, позвонила, опять подождала, опять позвонила, и лишь когда окончательно утвердилась в своих подозрениях, что звонок не работает, услышала по ту сторону неторопливые шаги. Дверь отворилась, и за ней показалась худосочная длинноносая девица в юбке, выглядевшей так, будто ее рвали собаки.

– Вам чего? – неприветливо поинтересовалась она, смерив посетительницу презрительным взглядом.

– Меня интересует вакансия гувернантки, – с достоинством отвечала Виолетта. За долгое время поисков работы она уже отлично поняла, как следует вести

себя с такими вот девицами.

– Ну заходите! – чуть не добавив: «Раз уж пришли!», пробурчала девица, развернулась и исчезла в темноте. Виолетта устремилась следом. Ей показалось, что они шли не менее пяти минут – плутали по темным извилистым коридорам, миновали несколько боковых ответвлений, поднялись по маленькой лестнице и наконец оказались в просторной комнате с обшарпанными стенами, обставленной разномастной мебелью, очевидно, списанной из каких-то учреждений еще в советские времена. На этом фоне особенно нелепо смотрелась красовавшаяся посередине новехоньякая офисная стойка с жидкокристаллическим компьютерным монитором и мини-АТС последней модели.

«Ну и помещеньице у них! – пронеслось в голове у Виолетты. – Позорище, а не офис! Правда, в самом центре, в двух шагах от Тверской...»

Тем временем длинноногая девица уселась за стойку, не глядя, сняла с пачки лежащих в лотке бумаг верхний лист и сунула его Виолетте.

– Вот, анкетку заполните.

И тут же забыла о ее существовании, вернувшись к прерванному было занятию – раскладыванию компьютерного пасьянса «косынка».

Такие «анкетки» Виолетта давно уже могла бы заполнять с закрытыми глазами. Вопросы в них вечно были одни и те же – имя, фамилия, отчество, места работы, начиная с последнего, причины увольнения, кроме «собственного желания»... И везде даты, даты, даты... Дата рождения полностью, даты поступления и окончания института, даты зачисления и увольнения... Однажды, когда Виолетта еще пыталась приуменьшить свой возраст, она даже рассчитала их все по новой, согласно придуманной легенде. Первое время это сходило с рук, но сейчас в агентствах и кадровых службах почти каждый раз стали проверять паспорт и диплом – и от подобной практики пришлось отказаться.

Из комнаты с надписью «Генеральный директор» выпорхнули, весело щебеча, еще две девицы. Несмотря на то что одна из них была выкрашена в блондинку, а другая в брюнетку, Виолетте они показались похожими как близнецы, тем более что одеты были в одинаковые костюмы, стоимостью долларов в триста, не

меньше, только одна в серый, а другая – в зеленый.

– И тут, представляешь, – чирикала брюнетка, – он мне говорит: «А можно вас пригласить поужинать?» А я ему: «Я не ужинаю, я на диете!»

– Ульяна, мы пойдем покурим! – строгим начальственным голосом произнесла блондинка, проходя мимо стойки.

Длинноногая девица, успевшая перед их приходом одним движением мыши заменить пасьянс на экране на какую-то таблицу, подобострастно кивнула:

– Хорошо, Ольга Евгеньевна!

– Уля, ты платежку отправила? – точно таким же тоном поинтересовалась брюнетка.

– Нет еще, никак связаться с ними не могу!

– Ну так отправь сейчас же!

– Хорошо, Юлия Владимировна!

«Тоже мне, – подумала Виолетта, с ненавистью глядя в стройные спины удаляющихся девиц. На нее они не обратили никакого внимания, будто в комнате никого и не было. – Ссыкухи малолетние, а туда же, директора генеральные, Евгеньевна, Владимировна...» В сумме они обе были явно моложе одной Виолетты. Уля тоже проводила взглядом начальство и невозмутимо вернулась к своему пасьянсу.

Виолетта как раз дошла до idiotского вопроса «ваши сильные и слабые стороны», как зазвонил телефон.

– Ульяна, работодательский! – крикнули из коридора.

Виолетта уже знала, что работодательский телефон – это тот, по которому звонят клиенты. Они заказывают в агентствах персонал, они платят деньги, их за это любят, холят, лелеют и всячески стремятся им угодить. А к соискателям –

тем, кто подобно ей, Виолетте, ищет работу, чаще всего относятся наплевательски. С ними-то чего церемониться, их – как грязи. Их присутствие можно игнорировать, их можно заставлять ждать чуть ли не часами, им можно хамить в глаза и по телефону. И не дай бог соискателю позвонить по работодательскому номеру – на такое можешь нарваться!

Девушка за стойкой сняла трубку:

– Агентство «Под крышей дома твоего»! (И не лень же ей это каждый раз выговаривать!) Слушаю. (Голос стал сладким до приторности.) Да, Станислав Алексеевич! Сию секундочку, сейчас позову!

– Ольга Евгеньевна, Кириллов звонит! – это уже крик в коридор.

– Ой, Кириллов! Бегу, бегу! – Блондинка влетела со сверхзвуковой скоростью, пронеслась мимо и исчезла в кабинете, откуда донеслось: – Взяла, клади трубку!

Кириллов. Станислав Алексеевич Кириллов. Ну да, точно, именно так его и звали. Услышав это имя, Виолетта сделала стойку, точно охотничья собака, почуявшая дичь. Впрочем, процесс этот был исключительно внутренним. Внешне она оставалась спокойной и равнодушной.

– Станислав Кириллов – это, случайно, не владелец «СТК-project»? – спросила она как бы невзначай.

– Он самый! – ответила длинноногая Ульяна, вся переполненная гордостью, что в их агентство обращаются такие заказчики. Но тут же спохватилась: – А вам-то что?

Виолетте было «что». Причем было до такой степени, что она сама себе не решалась в этом признаться, не то что девушке за стойкой. Стаса Кириллова она знала, вернее, знала, это, конечно, громко сказано, но видела. Несколько лет назад один из очень близких друзей Виолетты, врач Яков Белецкий, открыл (не без ее помощи) частную психиатрическую клинику в Подмосковье. Проектом и контролем за строительством занималась компания «СТК-project». Виолетта тогда часто приезжала к своему любовнику и несколько раз встречалась со Стасом, который произвел на нее неизгладимое впечатление. Долго она не могла забыть этого импозантного bruneta с легкой сединой на висках и

неожиданно синими глазами, воскрешала в памяти его образ и как-то раз даже подумала, что он как раз и есть тот мужчина, который ей нужен. Она тогда интересовалась Стасом, наводила справки, но выяснилось, что Кириллов женат и любит свою жену, да и у нее, Виолетты, в то время был официальный друг. Словом, тогда ничего не вышло. А теперь, значит, Кириллов ищет прислугу. Интересно...

В самом дальнем, застегнутом на молнию отделении бумажника Виолетта всегда носила несколько бледно-зеленых купюр различного достоинства – на всякий случай. И вот такой случай представился. Она вынула пятьдесят долларов, встала, подошла к стойке и придвинула их к Ульяне тем самым жестом, каким это делали герои ее любимых сборников «Детектив США».

Девушка за стойкой, похоже, тоже читала американские детективы. Во всяком случае, она ловко смахнула купюру в ящик стола и, оглянувшись на дверь начальства, быстро качнула головой, указывая длинным носом на выход.

– Вы анкету заполнили? – подчеркнуто равнодушно поинтересовалась она. – Давайте сюда. Контактную информацию указать не забыли? Ну тогда на сегодня все. – И добавила, специально повысив голос, чтобы услышали за дверью: – Как только будут какие-то предложения, мы вам позвоним. Идемте, я вас провожу.

Оказавшись в коридоре, она поплотнее прикрыла дверь и, повернувшись к Виолетте, спросила совсем уже другим тоном:

– Чем я могу вам помочь?

Виолетта остановилась под табличкой «Место для курения», извлекла из пачки сигарету и, прикурив от предусмотрительно протянутой Ульяной зажигалки, с достоинством произнесла:

– Меня интересует Станислав Кириллов. Он что, нанимает прислугу через ваше агентство?

– Ага! – оживилась длинноногая. – Ему кто-то из друзей рекомендовал Ольгу Евгеньевну. Они опять гувернантку ищут. Мы сначала полные штаны от радости наложили, когда он нам первый раз позвонил. А сейчас уже все на свете проклинали, что с Кирилловыми связались. Такой геморройный заказ оказался!

- Почему?

- Да потому что на них не угодишь! Самому подавай одно, мадаме его другое... Заявку накатали аж на два листа!

- Какую заявку?

- Ну заявку, список требований. - Уля с удивлением поглядела на Виолетту, недоумевая, как можно не знать таких элементарных вещей. - Знаете, мы когда с клиентами договор заключаем, к нему такая анкетка прилагается, чего ему от кандидата надо, ну, там, образование, опыт работы, знание языков... Называется заявка. Так вот, Кирилловы всю страницу исписали да еще на другой стороне дополнили!

- Послушайте, Ульяна! - Виолетта говорила твердо и настойчиво, как человек, уверенный в том, что ему не откажут. - Мне нужно увидеть эту заявку. А еще лучше - получить ее на руки.

На длинноносом лице отразилось сомнение.

- Ой, я не знаю... Это трудно... Может, как-нибудь в следующий раз...

- Нет! - твердо ответила Виолетта. - Сегодня. Сейчас.

- Ну, хорошо! - решила собеседница. - Подождите здесь.

Вернулась она быстро - Виолетта не успела и половины сигареты выкурить - и протянула пару еще теплых от недавнего пребывания в ксероксе листов.

- Вот, возьмите, я копию сняла. Можете забрать с собой.

- Спасибо! - Виолетта аккуратно сложила листки и надежно упрятала в сумочку. - Скажите, Ульяна, а вы могли бы посодействовать, чтобы моя кандидатура была рассмотрена Кирилловым?

На этот раз колебания Ульяны были уже серьезнее.

– Ой, это я не знаю, как сделать... Все кандидатуры лично генеральша отбирает, в смысле Ольга Евгеньевна, генеральный директор... Я, конечно, попробую, замолвлю за вас словечко, но...

– Я должна с ней поговорить.

– Боюсь, она этого не захочет... – Ульяна совершенно растерялась.

– И все-таки я настаиваю. Пойдите сейчас к ней и скажите, что у вас есть хорошая гувернантка для Кирилловых.

– Да не выйдет из этого ничего! – махнула рукой секретарша, но видя, что Виолетта настроена очень решительно, все-таки подчинилась ее напору. – Ну хорошо, хорошо, попытаюсь. Присядьте пока.

Они вернулись в комнату, Виолетта вновь опустилась за стол, а Ульяна, прихватив ее анкету, нехотя затрусилась к начальственной двери и исчезла за ней. Вскоре оттуда раздался крик:

– Ты чего, сдурела? Мне что, делать больше нечего, с каждым соискателем разговаривать? Да ты разуй глаза, посмотри в анкету – ей же сто лет! На фиг она мне сдалась?

Не прошло и нескольких секунд, как Ульяна, красная и вроде бы даже растрепанная, вылетела из кабинета и осуждающе поглядела на Виолетту: вот, мол, что мне приходится из-за вас терпеть за каких-то пятьдесят баксов.

– Вы все поняли?

– Поняла! – усмехнулась Виолетта. – Ладно, если что – позвоните. – И, развернувшись на каблучках, она отправилась восвояси.

Когда она вышла из метро, на улице накрапывал мелкий противный дождь. Но сегодня ей везло – автобус подошел тотчас и оказался практически пустым. Виолетта с удобством пристроилась у окна. Тут же появилась Старуха, уселась на сиденье напротив, и в кои-то веки Виолетта ей обрадовалась. Ей не терпелось обсудить с кем-то сегодняшнюю новость, а лучшего собеседника, чем Старуха,

для этого было не найти. Конечно, в агентстве ее кандидатурой не заинтересовались, но Виолетта не сочла это таким уж серьезным препятствием. Она была уверена, что, если хорошенечко поискать, она сможет найти и другие выходы на Кириллова. А ей вдруг очень захотелось попасть к нему в дом. Ну просто очень-очень захотелось.

– Вот оно, значит, как складывается... – прошамкала в ответ Старуха. – А ты, я вижу, уже вовсю планы строишь? Ишь, губы-то раскатала! Ну, ничего не скажешь, вариант действительно заманчивой. Только вот получится ли у тебя?

– Но ты ведь мне поможешь? Посоветуешь, как быть, что делать...

– Вон как ты заговорила! Давненько ты ко мне с просьбами не обращалась! Все грубишь, только и слышу – заткнись да пошла отсюда... А я-то к тебе со всей душой!

– Знаю я твою душу! – усмехнулась Виолетта. – Ладно, как говорится, кто старое помянет... Простим друг друга и забудем.

– Что ж, будь по-твоему. Чай, не в первый раз...

– Стас Кириллов... – задумчиво проговорила Виолетта, глядя, как капли все усиливающегося дождя сбегают по стеклу. – Знаешь, мне кажется, что это именно тот мужчина, которого я искала всю жизнь. Я это сразу поняла, еще тогда, когда видела его у Якова в клинике. Такой шанс нельзя упускать!

– Значит, рискнем, и будь что будет. А теперь хватит мечтать, а то остановку свою проедешь!

* * *

Как все женщины на земле, Виолетта мечтала о любви. Лет с тринадцати она начала грезить о том, как в один прекрасный день встретит его, и тогда наступит необычайное и вечное счастье, ради которого она и появилась на свет. Но, в отличие от большинства своих сверстниц, она отнюдь не ждала, что герой ее сновидений свалится с неба в готовом виде. Ей хотелось самой вырастить мужчину своей мечты, воспитать его для себя таким, каким она его

представляла – точь-в-точь как пелось в ее любимой песне: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу». Именно этому занятию она и посвятила всю свою жизнь.

О своем первом мужчине Виолетта предпочитала не вспоминать. Этот случайный и в общем-то совершенно ненужный ей роман она завела на заре студенческой жизни, стремясь побыстрее освоить «взрослую жизнь» во всех ее проявлениях. Гена учился на физкультурном факультете, был мастером спорта по легкой атлетике и довольно красивым парнем, во всяком случае, именно так считало большинство девчонок их потока. Они познакомились на одной из многочисленных вечеринок, и жаждущая приобрести новый опыт Летта охотно откликнулась на его настойчивые ухаживания, несмотря на предупреждения многочисленных доброжелательниц – не верь ему, он бабник, добьется своего и бросит тебя. Их отношения развивались стремительно и быстро достигли кульминации. Однажды вечером, когда родители вместе с Эдей были в санатории, Летта пригласила Гену к себе готовиться к экзамену по истории партии. Она знала, чем закончится такая подготовка, и хотела этого, но, на беду свою, очень смутно представляла себе, как именно все это происходит. Первое и оно же последнее свидание с Генной обернулось для нее сущим кошмаром. Все, что было между ними раньше – объятия, поцелуи и страстные, хотя и грубоватые ласки, – очень нравилось девушке, и она ожидала, что и оказавшись наедине с парнем, встретится с чем-то подобным, только еще более интересным и приятным. Но все вышло совсем иначе. Не тратя времени на долгую подготовку, спортсмен пару раз поцеловал ее в губы, ловко раздел, сам сбросил брюки и тенниску и тотчас приступил к делу. Виолетта почувствовала резкую боль, закричала, пытаясь вырваться, но занятый собственными ощущениями Геннадий не обращал никакого внимания на ее жалобы. Он был очень силен, и девушке не оставалось ничего другого, как только подчиниться ему и ждать, когда эта пытка закончится. Она закрыла глаза, и на несколько минут все чувства, весь мир слились для нее в единое красное марево мучительной боли. Когда Геннадий наконец отпустил ее, она некоторое время молча лежала, глядя в потолок и собираясь с силами, а потом поднялась и тихо произнесла только одно слово: «Уходи!»

Летта долго не могла оправиться от пережитого потрясения. Напрасно более опытные подруги уговаривали ее попробовать еще, мол, больно только первые несколько раз, потом это проходит – Виолетта даже на миг не хотела повторения этого кошмара. Напрасно Геннадий, оскорбленный тем, что его впервые в жизни отвергли, искал с ней встреч – она больше не могла его видеть. На целых полтора года Виолетта сделалась мужененавистницей. При одном

только взгляде на мужчину в ней оживали мучительные воспоминания об ужасах той ночи.

А потом в ее жизни появился Профессор. В свои сорок три он был уже совершенно седым, но это лишь придавало ему особый шарм. На его лекции по научному коммунизму вечно набивались полные аудитории – студентки так и млели, слушая мягкий бархатный голос, рисовавший перед ними удивительные картины совсем уже близкого сказочного будущего. С первых же занятий он стал выделять Виолетту, и она почувствовала себя польщенной. Профессор отмечал ее ответы, несколько раз он под какими-то предлогами задерживал ее после занятий и при этом смотрел на нее столь красноречивым взглядом, что Летта стала понемногу оттаивать. Однажды она набралась смелости и сама зашла к нему вечером на кафедру. Был уже восьмой час, и она точно знала, что Профессор там один – он часто засиживался допоздна. Он обрадовался, но, как показалось Виолетте, ничуть не удивился ее появлению. От ничего не значащих слов они быстро перешли к поцелуям. Но в последний момент, когда мужчина уже расстегивал на ней кофточку, она вдруг явственно вспомнила ту жуткую ночь и испуганно сжалась.

– Что с тобой? – участливо спросил Профессор. – Ты боишься?

И хотя Виолетта ничего не отвечала, он все понял и повел себя именно так, как было нужно. Раздев Летту, он осторожно усадил ее в издавшее виды кафедральное кресло и опустился перед ней на колени.

– Не бойся. Раздвинь ноги, закрой глаза и расслабься. Сейчас тебе будет хорошо.

И Виолетта покорно подчинилась.

Он осыпал ее поцелуями, опускаясь все ниже и ниже, и Летта чувствовала, как ее тело отзывается на ласки, словно струна скрипки на прикосновение смычка. Страх постепенно уходил, уступая место сперва приятной истоме, а потом нарастающему желанию. И когда нежный язык Профессора достиг самого сокровенного места на ее теле, Виолетта блаженно застонала. Ей было немного стыдно, что мужчина делает с ней такое, и в то же время она испытывала несказанное удовольствие, которое увеличивалось с каждой секундой. Страсть закипала в ней, переполняла изнутри и, казалось, готова была разорвать ее на части. Только бы он не останавливался, только бы не прекращал свои

упоительные ласки! Позабыв о застенчивости, Виолетта металась по креслу, задыхалась, томные стоны перешли в крики: «Еще, еще! Пожалуйста, еще!» И вдруг ее тело свело сладкой судорогой, а все ее существо переполнило такое сильное, почти невыносимое наслаждение, что Виолетте даже показалось, что на миг она потеряла сознание.

В тот первый раз и в несколько последующих у них ничего «по-настоящему» и не было. Профессор сказал, что для истинного мужчины наибольшее удовольствие – это доставить наслаждение женщине. Пока у Виолетты окончательно не прошел страх перед близостью, они ограничивались только этой восхитительной лаской. А войдя во вкус, она даже не заметила, насколько легко ей удалось преодолеть этот рубеж. Профессор оказался настоящим виртуозом любовной игры, а юная Летта была весьма способной ученицей и с упоением открывала для себя все новые и новые стороны наслаждения и способы его достичь.

Переполненная потрясающими ощущениями, Виолетта поделилась опытом с подругами. И выяснила, что многие девушки даже понятия не имеют о том, что интимные отношения предполагают что-то еще, кроме объятий, поцелуев в губы и традиционного полового акта в двух-трех распространенных позициях. Только несколько наиболее «продвинутых» девчонок слышали о существовании других ласк, но, как правило, отвергали их, считая чем-то непристойным. К удивлению Виолетты, большинство ее подруг были абсолютно уверены, что удовольствие от секса получает только мужчина. Женщина лишь подчиняется ему и ничего особенного при этом не испытывает. Ей приходится идти ему навстречу, но при этом она не должна выходить за рамки приличий. А секс в необычных позах и местах, занятия любовью при свете, ласки ртом... Нет, это стыдно, ужасно, недопустимо!

Виолетта была благодарна Профессору за все, что он открыл для нее. Но когда прошла эйфория первых ощущений, она поняла, что не любит его. Профессор не был мужчиной ее мечты, она хотела наставлять сама, а не быть ведомой. И с окончанием института их отношения прекратились как-то сами собой.

В следующий раз Виолетта сошлась с учителем истории одной из школ, которую курировала, работая в РОНО. Этот мягкий и в общем-то слабовольный человек без ума влюбился в нее и легко поддался ее сильной воле. Летта с увлечением занялась сексуальным воспитанием любовника, а заодно и формированием его личности. Она решила, как сама это называла, «сделать из него человека» и принялась помогать ему строить карьеру, используя свои связи. Он стал завучем

своей школы, потом директором, а чуть позже – директором одной из новых престижных школ «с преподаванием ряда предметов на английском языке», которые в те времена как раз начали открываться в Москве. Но вскоре воспитательница с грустью убедилась, что ее подопечный достиг своего потолка. Она поняла, что в нем не было ни честолюбия, ни энергии, ни настойчивости, он отнюдь не стремился развиваться и двигаться вверх, а лишь подчинялся напору своей возлюбленной. И Виолетта разочаровалась в своем выборе. Однажды, войдя без предупреждения в его кабинет, она застала там молоденькую учительницу английского языка. Видимо, девушку постигла какая-то профессиональная неудача – она плакала, а директор неловко ее утешал. Эта сцена оказалась весьма на руку Виолетте. Она тут же устроила скандал, обвинила любовника в неверности и без всякого сожаления разорвала свои отношения с ним. Учитель никак не мог смириться с таким положением вещей, звонил, искал встреч, клялся, что «ничего такого не было», умолял простить его и начать все сначала, но Виолетта была непреклонна. Этот человек для нее больше не существовал. К тому времени она уже переросла РОНО и работала в Министерстве образования.

Виолетте было двадцать четыре года, когда на ее жизненном пути появился Павел Игнатьев, тогда еще старший лейтенант милиции. На тот момент она числилась в отделе дошкольного образования, и Павел пришел к ней на прием с просьбой помочь устроить ребенка в детский сад – его жена загуляла и исчезла в неизвестном направлении, оставив мужа с двухлетним сыном на руках. Игнатьев покорила Виолетту своей силой и мужественностью, она сочла его весьма перспективным вариантом и ради этого прощала даже некоторую ограниченность в интимной сфере отношений – Павел был человеком прямолинейным и упорно не желал овладевать всеми теми изысками, в которые новая любовница пыталась его посвятить. Их связь продолжалась несколько лет, и все это время Летта старательно и незримо вела своего друга вверх по служебной лестнице. Он получал новые «звезды», менял должности и кабинеты и, будучи человеком неглупым, быстро понял, кому обязан своими успехами. Именно это и внесло разлад в их отношения. Будучи действительно лидером по натуре, Павел практически не поддавался ее воспитанию. К тому же сознание того, что его жизнью управляет женщина, пусть даже любимая, ущемляло его мужское самолюбие. И чувствуя, что он выходит из-под ее контроля, заводит ради самоутверждения интрижки на стороне, Виолетта первая решила порвать с Игнатьевым, чтобы самой не оказаться брошенной. Это был очень мудрый шаг с ее стороны. Они расстались друзьями, и благодарный Павел пообещал Летте, что она всегда может рассчитывать на его помощь.

Поняв, что не стоит тратить все свое время на одного мужчину, Виолетта решила компенсировать качество количеством. Встречалась с несколькими кавалерами одновременно, бежала с одного свидания на другое, просыпалась в одной квартире, а с работы возвращалась уже в другую. Ей нравилась такая жизнь.

Еще в детстве, командуя Эдиком и его друзьями, Летта начала постигать основы мужской психологии. Первые годы она, конечно, подавляла мальчишек чисто физически, так как была старше на пять лет и соответственно сильнее. Но очень быстро она лишилась этого преимущества – подросшие и возмужавшие пацаны научились давать сдачи, а терять свою власть над ними Виолетте не хотелось. А поскольку она была умной девочкой, то быстро сообразила – хитростью можно добиться куда больше, чем силой. И она научилась распознавать у своих подопечных слабые места, ловко воздействовать на них и в результате получать то, что хотела. С возрастом она лишь убедилась в том, что все мужчины в душе остаются мальчишками. Они так же любят новые яркие игрушки, так же тяжело переживают малейшие неудачи, так же панически боятся показаться слабыми или смешными. Только игрушки, неудачи да поводы для опасений с течением лет становятся другими.

Меняя партнеров, Виолетта не уставала поражаться сексуальной безграмотности мужчин. Почти все они мнили себя Казановами – но при этом почти никто не знал даже азов науки страсти, не умел или не желал доставить удовольствие своей партнерше. Стремление сделать из каждого своего нового мужчины идеального любовника стало для Виолетты чем-то вроде спорта. Конечно, они реагировали на это по-разному. Бывали и такие, кто после первого же контакта спешил расстаться с женщиной, которая норовила диктовать им, что и как делать в постели. Но Виолетта была не только настойчива, но и тактична, и большинство ее партнеров откликались, идя ей навстречу. «По крайней мере его следующая пассия скажет мне спасибо!» – думала Виолетта, прощаясь с очередным учеником.

Едва только на горизонте появлялся подходящий объект, она сближалась с ним, оценивала, воспитывала – и через какое-то время теряла к нему интерес. Тогда она мягко давала понять, что роман закончен, но дружеские отношения сохраняются. Если ему понадобится ее помощь, он может в любую минуту обратиться к ней – почему нет? Но и она также вправе ждать от него услуги, если возникнет такая необходимость.

Не только Игнатьев, но и почти все остальные бывшие возлюбленные Виолетты долгое время после разрыва все еще чувствовали себя обязанными ей. И бывало, что, расставшись с мужчиной, Виолетта какое-то время еще продолжала заниматься его судьбой – но уже не воспитывая его для себя, а, скажем, в ответ на услугу с его стороны или ради какой-то иной выгоды. Она всегда четко знала, какую пользу ей сможет принести тот или иной человек, и не собиралась упускать такую возможность.

Неожиданно Виолетта забеременела и, немного подумав, решила оставить ребенка. Все-таки ей было уже за тридцать, отец давно умер, мать мечтала о внуках. Кто был отцом Анны, она так и не узнала, да и не особенно этим интересовалась. В то время у нее было одновременно три любовника. Но первый из них был женат и разводиться не собирался, второй, узнав о ее беременности, мгновенно исчез из ее жизни, а третий, хотя и продолжал звонить и приезжать, умоляя выйти за него замуж, был безжалостно отвергнут – Виолетта уже сочла его неперспективным вариантом и поставила на нем крест.

Шли годы, менялись мужчины. В ком-то она разочаровывалась через несколько дней, с кем-то оставалась рядом годами. Среди последних был Игорь Баскаков, сотрудник ритуальной службы, с которым она познакомилась на похоронах матери. Усилиями Виолетты он сделался директором одного из самых известных московских кладбищ, и благодаря этому альянсу она приобрела еще большие связи. Но и этот роман, один из самых длительных в ее жизни, оборвался, на этот раз трагически – дождливым ноябрьским вечером Баскаков был застрелен в подъезде собственного дома. Убийство явно было заказным, но ни исполнителя, ни заказчика так и не нашли, хотя Виолетта, действуя через Игнатьева, подняла на ноги чуть не всю московскую милицию. Смерть Игоря Виолетта переживала очень тяжело – похоже, его она действительно любила. Но вскоре утешилась новым романом, с одним из бывших подчиненных Баскакова, непризнанным поэтом, работавшим в крематории и носившим странное имя Клавдий. На некоторое время она даже загорелась идеей посадить Клавдия на место Баскакова, но вскоре рассталась с этой идеей – по своей натуре поэт явно не был предназначен для этой должности.

Новой большой любовью Виолетты, пришедшейся на самый расцвет перестройки, стал Яков Белецкий, врач-психиатр. Этот роман был длительным и ярким, но, несмотря на это, Виолетта не слишком-то любила о нем вспоминать. Они познакомились при весьма романтических обстоятельствах – чудесной порой золотой осени, когда у возвращавшейся с дачи Виолетты вдруг

закапризничала ее «японочка». Яков, проезжавший мимо, остановился и галантно предложил свою помощь. Представительный мужчина с элегантной профессорской бородкой, цепкими умными глазами и мягким проникновенным голосом с первого же взгляда понравился Виолетте. Они были вместе более четырех лет, и, казалось, ничего не предвещало ненастья. Привыкшая быть для своих кавалеров загадкой, Виолетта вскоре с удивлением заметила, что от общения с опытным психиатром сделалась гораздо откровеннее, оттаяла и даже стала несколько иначе смотреть на других людей. Яков относился именно к тому типу мужчин, который всегда предпочитала Виолетта, – был чутким, гибким, мягким настолько, чтобы позволить ей управлять собой, но в то же время достаточно настойчивым и амбициозным, чтобы многого добиться. Яков вел научную работу и мечтал о собственной частной больнице, Виолетта всячески помогала ему в осуществлении планов. Объединив усилия, они преодолели все преграды, и через некоторое время в газетах, журналах и на кабельных каналах замелькала реклама подмосковной клиники нервных болезней Якова Белецкого, обещавшая клиентам необычайно комфортные условия и лечение по последнему слову западной медицины. Услуги, разумеется, были совсем не дешевыми, но, несмотря на это, новенький лечебный комплекс, выстроенный в живописном месте на берегу пруда, быстро заполнился состоятельными больными. Но вскоре чуть не случился грандиозный скандал – некий пронырливый журналист раскопал, что Белецкий испытывает в этой клинике препараты собственного изобретения. Виолетта приложила массу усилий, чтобы статья с подзаголовком «Опыты над людьми» не увидела свет, добилась своего и сразу после этого бросила Якова. Поводом были не сами эксперименты, на это Виолетте было наплевать, а то, что ее друг допустил утечку столь взрывоопасной информации. Человек, который мог совершить такой промах, больше не представлял для нее интереса. Белецкий оказался, пожалуй, единственным мужчиной в ее жизни, расставание с которым не получилось красивым – слишком уж неприятной была связавшая их история. Уходя от него, Виолетта чувствовала, что бывший любовник сохранил в своей душе не тепло и нежные воспоминания, а страх перед ней, знающей его тайну и в любой момент способной использовать это оружие против него.

Последний значительный роман случился сразу после выхода на пенсию. Героем его стал сорокалетний Никита Ордынский, амбициозный актер из провинции, прибывший в столицу в поисках славы. Они познакомились в театре, и, узнав, что Виолетта работала в министерстве, Никита принялся настойчиво и красиво за ней ухаживать, дарил цветы, посвящал ей стихи и песни. Актером он был способным, даже, пожалуй, талантливым, но Виолетта быстро поняла, что у него нет никакого будущего – чтобы в этом возрасте сделать творческую карьеру,

нужно иметь недюжинные пробивные способности, а ими Никита не обладал. К тому же он был не слишком умен, а уж этого Виолетта мужчинам никогда не прощала. И, выбрав подходящий момент, Летта покинула Никиту так же, как покидала всех остальных – легко и без сожаления, сохранив при этом дружеские отношения.

До последнего времени Виолетта никогда особенно не задумывалась о своих отношениях с мужчинами, воспринимая их как нечто вполне естественное. Она считала, что всего лишь выбирает себе партнера, достойного того, чтобы быть рядом с ней. А так как на эту роль годился далеко не каждый, то ничего нет удивительного в том, что поиск нужной кандидатуры растянулся на годы. Тем более что «отбракованные» варианты, которые оказывались неподходящими для глобальной цели, всегда могли пригодиться для чего-то менее значимого – от мелких услуг до устройства семейной жизни собственной дочери. Первым ударом для Виолетты стало то, что после смерти Эдуарда все прежние возлюбленные, которых она до сих пор считала обязанными себе, не сумели и даже не захотели ей помочь. Но это были сущие пустяки по сравнению с новым, совершенно ужасающим открытием – Виолетта вдруг поняла, что к ней неумолимо приближается старость. Пройдет еще немного времени, и она может подурнеть, потерять свою привлекательность и – о ужас! – перестать нравиться мужчинам. Что же ей делать тогда?

Оглядываясь на прожитое, Виолетта поняла, что любви как таковой так ни разу и не испытала. Всю жизнь она искала мужчину, из которого смогла бы воспитать свой идеал – и вот тогда уже полюбить. Но этого так ни разу и не случилось. Да, бывало что-то похожее, с Игнатьевым, с Белецким, пожалуй, более всего с Баскаковым. Но все это было лишь приближением к любви, а не любовью, не утоляло ее жажды, не насыщало, как не насыщают высохшую землю отдельные капли дождя – чтобы она напиталась влагой и дала жизнь затаившимся в ней семенам, нужен настоящий ливень. Виолетта осознавала в себе огромный нереализованный потенциал, скрытую силу, которая горы бы могла свернуть, если бы только нашелся тот, кто сумел бы разбудить ее и выпустить наружу. И Стас Кириллов подходил для этой роли как нельзя лучше.

* * *

Надежд на агентство «Под крышей дома твоего» не было, но Виолетта, хотя и была скуповата, нисколько не жалела о потраченных пятидесяти долларах. Она

получила от длинноносой Ульяны главное – информацию, а поговорив со Старухой, окончательно утвердилась в своих намерениях. Это был шанс, быть может, последний, и упустить его было никак нельзя. Теперь дело оставалось только за ней. Нужно было работать, и Виолетта этим вплотную занялась.

Первое знакомство с требованиями, которые предъявляла к будущей гувернантке чета Кирилловых, вызвало у нее легкое замешательство, второе, более глубокое, привело в состояние полной паники. Опыт успешной работы в семьях с детьми разных возрастов, подкрепленный отзывами и рекомендациями; наличие гибкого индивидуального подхода к детям (господи, а это еще что такое?); отличное знание детской психологии; прогрессивный взгляд на воспитательный процесс (час от часу не легче!); обязательное педагогическое образование (но это-то, слава Аллаху, имеется); желательно владение несколькими языками, возраст от сорока до пятидесяти лет; внешняя привлекательность не обязательна (подчеркнуто двумя чертами) и чуть не полстраницы перечня необходимых личных черт – от эрудиции и широкого кругозора до аккуратности и терпеливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/oleg-roy/dom-bez-vyhoda/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/dom-bez-vyhoda-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)